

Александр Карфаген

Принц Тьмы

Александр Карфаген

Принц Тьмы

«Автор»

2026

Карфаген А.

Принц Тьмы / А. Карфаген — «Автор», 2026

Он сын повелителя тьмы, но он совсем не похож на правильного принца тьмы. Отец даст ему безумное, не вероятное поручение и минимальные ресурсы? Отец хочет избавиться от него или это нечто другое? В книге описан мир очень похожий волшебную Европу времен возрождения. Темная империя находится в альпах.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Карфаген

Принц Тьмы

Глава 1.

Часть I: Луноцвет и Зов Тьмы

Высоко над удушливыми туманами, пожирившими подножие Замка Вечной Тени, на узком, полуразрушенном балконе Западной Башни, Лориан фон Моргенштерн замер. Не ветер, вечно гулявший меж черных шпилей, трепал его светлые, льняные волосы – они и в безветрии лежали беспокойным ореолом вокруг лица, будто пытаясь уловить хоть крупицу солнечного света, давно забытого этими землями. Семнадцать лет, отмеченных не силой и властью, а странной хрупкостью, проступавшей в острых скулах, тонких запястьях и в глазах цвета предрассветного неба – серо-голубых, слишком светлых для наследника Повелителя Тьмы. Они сейчас были прикованы не к мрачному горизонту, усеянному копьями мертвых деревьев, а к каменному вазону у самых перил.

В нем, цепляясь тонкими, упрямыми усиками за трещины в древнем камне, жил Луноцвет. Неприхотливый горный странник, принесенный Лорианом год назад из рискованной вылазки на окраины увядших земель. Растение цвело почти весь теплый сезон, если понятие тепла применимо к вечному холоду Моргенштерна. Но его истинная магия раскрывалась только в ночи полнолуния. Сейчас же, под бледным светом ущербного дневного светила, бутоны были плотно сжаты – тугие, серебристо-зеленые кувшинчики, хранящие свою тайну. Лориан знал: внутри копилась нежная, почти флуоресцирующая белизна лепестков, ждущая прикосновения луны и... их. Бабочек.

Он присел на корточки, осторожно, одним пальцем, коснулся прохладного бутона. Его магия, тихая, зеленая волна тепла и понимания, лениво потекла по жилкам растения. Не для того, чтобы заставить распуститься – это было святотатством. Просто... привет. Поддержка. Луноцвет ответил едва уловимым шелестом листа, будто вздохом. Лориан улыбнулся уголком губ. Здесь, на этом забытом балконе, под вой ветра в амбразурах и свинцовой тяжестью небес, он выращивал невозможное. Красоту. Хрупкость. Надежду. И ждал полночи, когда прилетят ночные бабочки – не простые, а волшебные. Крошечные, с крыльями, переливающимися, как крылья жуков-светляков, но мерцающими холодным, лунным сиянием. Они одни умели проникать в глубину бутона, опыляя цветок в его единственную ночь сияния. Была в этом какая-то древняя, чистая магия, далекая от разрушительных сил его рода. Магия взаимности, а не подчинения.

Шорох за спиной, едва различимый на фоне вечного гула замка, заставил его вздрогнуть и резко выпрямиться. Не оборачиваясь, он почувствовал знакомое, немое присутствие. Старый Айвен. Слуга, чье лицо было картой прожитых в страхе лет, а глаза – двумя узкими щелями, умевшими видеть все и ничего одновременно. Он стоял на пороге полуразрушенной башни, ведущей на балкон, его сгорбленная фигура казалась частью мрачного камня.

— Юный господин... — голос Айвена был сухим шелестом опавших листьев, лишенным интонаций. — Его Мрачное Величие... желает вашего присутствия. В Малом Тронном зале. Немедля.

Слова повисли в холодном воздухе, как приговор. "Желает". Приказ. Непрошенный, грубый клин, вбитый в хрупкий мир балкона. Лориан медленно обернулся. В глазах старика не было ни сочувствия, ни любопытства – лишь привычная покорность и тень вечного страха, который витал в этих стенах плотнее тумана.

— Сейчас? — спросил Лориан, и его собственный голос прозвучал чужим, слишком тихим.

Айвен лишь чуть наклонил голову, что было красноречивее любых слов. Не заставляйте Его ждать. Предупреждение витало в воздухе незримо. Лориан взглянул на Луноцвет – на тугие, закрытые бутоны, хранящие свой свет до лучших времен. Его собственный свет гас под накатившей волной знакомого предчувствия, холодного и липкого. Он кивнул Айвену, коротко, без слов, и шагнул с балкона в сумрак башни, оставив цветы наедине с надвигающимся вечером и вечным ветром.

Путь из Западной Башни в сердце замка был долгим погружением в каменный ад. Лориан шел привычными, самыми глухими коридорами, где факелы горели редко, а тени стужались в живые, шевелящиеся пятна. Воздух здесь был спертый, пропитанным запахом старого камня, копоти, влажной плесени и чего-то еще – острого, металлического, как ржавчина и страх. Стены, сложенные из циклопических черных глыб, давили. Готические своды, теряющиеся где-то в непроглядной высоте, напоминали ребра гигантского мертвого зверя. Сквозь редкие узкие окна-бойницы пробивался жалкий серый свет, едва освещая пыльные гобелены, изображавшие сцены древних побед Тьмы – битвы с демонами более слабых кровей, казни мятежников, торжественные шествия под знаменами с черепами. Лица на гобеленах были искажены гримасами ярости или застыли в масках покорности. С потолка, из пастей каменных горгулий, капала вода, ритмично, как удары метронома, отсчитывающего время до неизбежного.

Под ногами скрипели и прогибались массивные половицы из черного дуба, тысячу раз протертые до тусклого блеска. Иногда в боковых проходах мелькали фигуры слуг – серые, призрачные, спешащие, с глазами, опущенными в пол. Они замирали, прижимаясь к стенам, словно пытаясь раствориться в камне, пока Лориан проходил мимо. Их страх был осязаем, как холодный сквозняк. Здесь не было места его меланхолии, его тихим мыслям о цветах. Замок жил по законам силы и подавления, и каждый камень, каждый завиток кованой решетки, каждое мерцание факела в железном бра кричали об этом.

Чем ближе к центру власти, тем роскошнее становился мрак. Черный дуб сменялся полированным базальтом, факелы – магическими светильниками с пламенем кроваво-красного или ядовито-зеленого цвета, бросавшими неестественные тени. Статуи в нишах изображали уже не горгулий, а суровых рыцарей в адской броне и крылатых демонов, замерших в вечном ожидании приказа. Воздух густел, насыщенный запахом дорогих, тяжелых благовоний, пытавшихся перебить подспудную вонь гнили и железа, но лишь создававших удушливую смесь.

И вот, наконец, он стоял перед ними. Две огромные, дубовые двери, окованные черненой сталью и увенчанные барельефом стилизованного вороньего крыла – гербом Моргенштернов. По бокам, недвижимые, как изваяния, стояли два гвардейца в полной черной латной броне. Их лица скрывали глухие шлемы с узкими прорезями, из которых не видно было даже отсвета глаз – лишь непроглядная тьма. Они не шевелились, не дышали, казалось. Но Лориан знал – они видят все. Их присутствие было физическим давлением на грудь.

Беззвучно, будто по незримому сигналу, гвардейцы синхронно шагнули вперед. Массивные двери, скрипя древними петлями, словно вздохнув от тяжести веков, стали медленно расходиться, открывая пасть Малого Тронного зала. Лориан сделал шаг вперед, и холодный, насыщенный властью воздух из зала ударил ему в лицо.

Зал был не так огромен, как Великий Тронный, но от этого не менее подавляющ. Стены, облицованные темным, почти черным мрамором с кроваво-красными прожилками, уходили ввысь, теряясь в клубящемся там искусственном дыме или теневой магии. Пол – шахматная клетка из отполированного до зеркального блеска обсидиана и молочно-белого, холодного камня, казавшегося костью гиганта. По бокам, в глубоких нишах, пылали не факелы, а магические жаровни, из которых лился не свет, а густой, лилово-черный дым, стелющийся по полу, как ядовитые реки. Тяжелые, багровые драпировки висели неподвижно, поглощая звук.

В конце зала, на возвышении из черного базальта, стоял трон. Не кресло, а нечто среднее между алтарем и наковальней. Выкованный из того же темного металла, что и броня отца, он был утыкан шипами и увенчан стилизованной головой ворона с горящими рубиновыми глазами. И на этом троне восседал он.

Лорд Малкор Моргенштерн, Повелитель Вечной Тени. Даже сидя, он казался исполином. Его фигура, облаченная в латы цвета воронова крыла, поглощала скудный свет зала. Шипы на наплечниках и наголенниках были остры, как кинжалы. Шлем с опущенным забралом скрывал лицо, оставляя лишь две узкие прорези, из которых струился холодный, нечеловеческий, желто-зеленый свет – взгляд, способный заморозить кровь. Одна рука в латной перчатке лежала на подлокотнике, сжимая его с такой силой, что металл, казалось, стонал. Другая, также в перчатке, сжимала древко массивного боевого топора, стоящего вертикально рядом с троном. Острие топора, черное и матовое, жадно впитывало свет. Воздух вокруг него колыхался от сконцентрированной мощи. Гнет его присутствия был физической тяжестью, давящей на плечи, сковывающей дыхание. Он был Абсолют. Не отец – Владыка. И сейчас его незримый, леденящий взгляд был прикован к Лориану.

Справа от трона, чуть впереди и ниже, стоял Валтар. Старший брат. Почти копия отца в миниатюре, но без его исполинской мощи. Его броня была менее массивной, но столь же мрачной, полированной до зловещего блеска. Шлем он держал подмышкой, открыв лицо. Черные, коротко стриженные волосы, резкие, жестокие черты лица, высокомерно приподнятый подбородок. Его глаза, холодные и насмешливые, как стальные шарики, уже были устремлены на Лориана. В них читалось привычное презрение, ожидание промаха, слабости. Он стоял в позе победителя, одна рука на эфесе длинного меча с черным клинком. Уголок его губ был тронут едва уловимой, язвительной усмешкой. Он был идеальным продолжением воли отца, его тенью и когтем. И сейчас оба – Владыка на троне и его Наследник у подножия – были единой, неразделимой силой Мрака, воплощением всего, что ненавидел и чему противился Лориан в глубине своей мятежной, романтической души. Они ждали его. Тишина в зале была громче любого крика.

Часть II: Посольство Света и Тень Отчаяния

Леденящий взгляд Повелителя Вечной Тени, пронзающий Лориана сквозь щели шлема, казалось, впивался в самую душу, выискивая слабинку, нелояльность, ту самую "ошибку природы". Воздух в Малом Тронном зале был густым, как расплавленный обсидиан, насыщенным запахом магического дыма, холодного металла и непомерной власти. Валтар, стоявший чуть впереди, излучал почти звериное удовольствие от унижения брата, его стальные глаза насмешливо скользили по Лориану, ожидая признаков страха.

Голос Лорда Малкора прозвучал. Не громовой раскат, как на поле боя, а низкое, вибрирующее гудение, заставлявшее дрожать кости, словно древние камни замка отзывались на его речь. Каждое слово падало с трона, как обтесанная глыба.

— Сыновья... — начал он, и пауза после слова повисла тяжелее любой брони. — К Замку Вечной Тени приближается посольство. Ауринов. Златокрылых. Вернувшихся Скитальцев.

Тишина стала еще громче. Даже Валтар слегка замер, его надменное выражение на миг сменилось искренним удивлением, быстро перешедшим в настороженность. Аурины. Сильнейшие маги Срединных Земель. Их появление здесь было событием из разряда немыслимых. Лориан почувствовал, как по спине пробежал холодок не страха, а острого понимания. *Они сильны. Сильнее тебя, отец?* — пронеслось в голове. Он видел, как напряглись даже бесстрастные гвардейцы у дверей.

— Их визит... — продолжил Малкор, тщательно подбирая слова, — требует нашего... внимания. Не воинственного, но... *внимательного*. Вечная Тень не ищет ненужных конфликтов с теми, кто ступает с Закатного Берега. — В этих словах не было ни капли гостеприимства,

только холодный расчет, обернутый в шипы формальности. — Валтар. На тебе безопасность. Удвой патрули на подступах к замку и в его стенах. Никаких... инцидентов. Никакой демонстрации силы без моего прямого приказа. Пусть их маги почувствуют не мощь гарнизона, а его... безупречную дисциплину. Твои тени будут зорки. Ясно?

Валтар выпрямился, ударив латной перчаткой в грудь с глухим лязгом.

— Ясно, отец! — Его голос был резок, полон готовности. Но в глазах все еще горел немой вопрос: *Почему мы должны дрожать перед этими позолоченными пришельцами?* Он не произнес этого вслух, но Лориан прочел это как открытую книгу. Валтар жаждал показать силу, сломить этих высокомерных эльфов, доказать отцу превосходство Моргенштернов. Идея "безупречной дисциплины" вместо демонстрации мощи была для него пощечиной.

Малкор медленно повернул шлем к Лориану. Тот чувствовал тяжесть этого взгляда на своей груди.

— Лориан. — Имя прозвучало как обвинение. — Ты будешь нашим... лицом. Нашим голосом гостеприимства. — Голос Владыки стал еще ниже, почти шипящим. — Ты примешь их в Парадных Покоях. Проведешь беседы. Покажешь им... что земля Вечной Тени цивилизована. Что ее Владыка — государственный муж, а не... кровожадный варвар, каким нас рисуют враги. Твоя задача — создать впечатление. Стабильности. Контроля. Адекватности. — Последнее слово было выдвинуто с особой силой. — Твоя... утонченность, — в этом слове явно слышалось презрение, — может найти здесь применение. Используй ее. Убеди их в нашей силе через спокойствие и порядок. Ни слова о военных приготовлениях. Ни намек на внутренние... сложности. Ты понял?

Лориан похолодел. Его внутренности сжались в комок. Быть шутком? Притворщиком? Показывать гостям ложеную ложь, скрывающую гнилое нутро режима отца? Но он кивнул, коротко и четко.

— Понял, отец. — Его голос звучал ровно, без дрожи. Он понял гораздо больше, чем хотел бы. Отец не просто не хотел конфликта. Он *боялся* его. Сила Ауринов была для Малкора реальной угрозой, которую он не мог просто сокрушить привычным ударом кулака или демонической магией. Это был страх стратега, осознающего превосходство противника на чужом поле. Страх, тщательно скрываемый за броней и величием трона.

Валтар не выдержал. Его лицо исказила гримаса возмущения.

— Лебезить? Перед этими... позолоченными ничтожествами? — вырвалось у него, нарушая тишину. — Мы — Моргенштерны! Наша сила — в железе и крови! Я бы показал им мощь Вечной Тени! Заставил бы трепетать! А не... не устраивал чаепития! — Он чуть не плюнул от отвращения.

Малкор не пошевелился, но воздух вокруг него внезапно стал тяжелее, гуще. Казалось, тень от трона протянула невидимые щупальца к Валтару.

— Сила, сын, — прозвучало ледяное шипение, — не всегда в демонстрации кулака. Иногда она — в умении держать его сжатым в кармане, пока враг не подойдет достаточно близко. Или в умении *убедить* врага, что кулака нет вовсе. Аурины — не мятежные бароны. Их магия... древняя. Непредсказуемая. Наш конфликт с ними сейчас — это гибель. Бессмысленная гибель. Ты хочешь сгинуть в пламени их заклятий, не успев взойти на трон? — Пауза была красноречивее крика. — Выполняйте приказ. Без глупых вопросов. Оба.

Последние слова прозвучали как удар хлыста. Валтар побагровел, но стиснул зубы и резко кивнул, его пальцы белели от силы, с которой он сжимал эфес меча. Лориан просто опустил глаза, скрывая вспышку горького понимания. *Гибель. Он действительно боится гибели. Но почему именно сейчас? Что такого в этих Ауринах... или в нем самом?*

За Сценой: Песочные Часы Демона

Когда тяжелые двери Малого Тронного зала захлопнулись за спинами сыновей, Лорд Малкор Моргенштерн, Повелитель Вечной Тени, остался в гнетущем одиночестве своего каменного острова. Иллюзия абсолютного контроля, казавшаяся незыблемой для внешнего мира и даже для Валтара, дала трещину. Он медленно разжал латную перчатку, лежавшую на подлокотнике. Даже сквозь металл можно было почувствовать легкую дрожь в пальцах. Не от гнева. От страха. Глухого, животного, всепоглощающего страха.

Аурины... Проклятые Златокрылые! Почему сейчас? Почему именно сейчас?! – вихрь мыслей кружился в его черепе, раскаленном адским пламенем договора. Двести лет... Двести лет могущества! Двести лет страха и поклонения! И всего... три года осталось. Три жалких года!

Образ могущественного демона, с которым он заключил пакт в молодости, жаждущий власти изгой, встал перед внутренним взором. Обещания были исполнены сполна: нечеловеческая сила, пронизывающая каждую жилу; темная магия, перед которой трепетала вся округа; помощь в покорении земель и возведении этого мрачного символа его власти – Замка Вечной Тени. Он получил все, о чем мечтал. Ценой, которая казалась абстрактной в пылу юношеской амбиции и отчаяния. *Душу и тело. Через двести лет.*

Песок в песочных часах его жизни и власти стремительно утекал. Ощущение было физическим – как будто каменная глыба нависает над головой, и тросы, удерживающие ее, перетираются одна за другой. Демон не напоминал. Демон ждал. И эта ожидающая тишина была хуже любых угроз.

Они чувствуют это? – паническая мысль пронзила сознание. *Их магия... их древнее знание... Чувствуют ли они приближение конца моего договора? Чувствуют ли слабость?* Приезд посольства Ауринов казался ему не случайностью, а ударом точно в больное место. Возможно, они приехали наблюдать. Возможно, ждать. Возможно... предложить сделку? Последняя мысль зажгла крошечную искру надежды в крошечной тьме его отчаяния.

Адепты Света... У них есть знания. Знания, утраченные здесь, в Срединных Землях. Знания о Западе, о древних закланиях, о... разрыве договоров. Мысль была дерзкой, почти кощунственной. Обратиться за помощью к тем, кого он презирал как слабых и осторожных? Но что оставалось? Вечность в демонической пытке? Небытие?

Его перчатка снова сжала подлокотник, теперь с такой силой, что камень под металлом затрещал.

Нужно время. Нужно показать им силу. Не военную – они все равно сильнее в открытом бою магией. Нужно показать силу контроля. Управления. Стабильности. Что Вечная Тень – вечно. Что я... незыблем. Тогда... тогда, возможно...

План созрел мгновенно, отчаянный и рискованный. Лориан... Его слабый, странный сын с эльфийскими глазами и тихими манерами. Он был ключом. Его неестественная для Моргенштерна "адекватность", его способность говорить не только угрозами. Он должен был стать идеальной маской. Маской, за которой Малкор спрячет свою панику и отчаяние. Маской, которая убедит Ауринов, что с Повелителем Вечной Тени можно иметь дело. Что он – надежный партнер. Или, по крайней мере, не угроза, которую нужно немедленно уничтожить.

Пусть болтает о погоде и показывает библиотеки. Пусть улыбается их сопливым эльфийкам. Лишь бы они поверили. Лишь бы дали время... или предложили выход. Жгучая ненависть к необходимости этой лжи смешивалась с леденящим страхом. Он, Малкор Моргенштерн, Повелитель Вечной Тени, вынужден посылать своего "позорного" сына лебезить перед эльфами, чтобы купить себе еще несколько песчинок времени. Унижение было горше яда.

Три года... Всего три года... – этот ритм бился в его висках, сливаясь с мерным падением капель с горгулий где-то в темноте зала. Трон, некогда символ абсолютной власти, теперь казался ледяной ловушкой. Он откинул голову назад, упираясь затылком в холодный металл, и закрыл глаза, скрывая немую ярость и всепоглощающий ужас от пустого, дымного зала.

Тишина снова сгустилась, теперь наполненная не властью, а предсмертным хрипом обреченного титана. Впереди были только аурины... и неумолимое приближение расплаты.

Глава 2.

Часть III: Прах Империи и Шелковые Паутины

Спустя час после ледяного приема в Малом Тронном зале Лориан фон Моргенштерн уже мчался по пыльным коридорам Гостевого Флигеля Замка Вечной Тени. Его легкие ботинки почти не издавали звука на скрипучих половицах из черного дуба, но за ним следовал целый караван – его личная "рабочая группа". Шестеро молодых людей, отпрысков не самых знатных, но *полезных* семей, приближенных ко двору Малкора. Лориан выбрал их не за воинскую доблесть или знатность предков, а за острый ум, специфические таланты или, как минимум, отсутствие откровенной тупости и умение держать язык за зубами. В мире интриг и страха это было дорогого стоит.

Брендон Вейл: Сын главного управляющего текстильными мануфактурами, снабжавшими двор тканью (пусть и мрачных оттенков). Худощавый, с вечно встревоженными глазами за очками в тонкой оправе, он неустанно что-то записывал в потрепанный блокнот. Его талант – феноменальная память и умение считать в уме. Он знал, сколько гвоздей нужно для ремонта балкона и сколько аршин бархата уйдет на новые портьеры, прежде чем кто-то успевал задать вопрос.

Терон Кроу: Отпрыск семьи, державшей монополию на поставку экзотических животных для зверинца Малкора (ныне заброшенного) и на псарню. Крепкий, подвижный, с хитринкой в карих глазах, он обладал удивительным умением находить *людей* и *вещи*, а также договариваться с кем угодно – от угрюмых каменщиков до вороватых поставщиков. Его знание "низов" замка было бесценным.

Лиам Фрост: Сын главного хранителя архивов (не библиотеки, а именно архивов – счетов, договоров, доносов). Тихий, бледный, с бесцветными волосами и водянисто-голубыми глазами, он казался тенью. Его дар – систематизация хаоса. Он мог часами сидеть в гряде бумаг и вытащить единственный нужный документ. Лориан надеялся, что это пригодится в библиотеке.

И три девушки. Они следовали за Лорианом чуть в сторонке, шелестя платьями, которые казались каплями яда на фоне всеобщей серости. Их присутствие было двойным расчетом: их отцы обладали ресурсами (ткани, краски, редкие материалы), а сами девушки, будучи откровенно амбициозными, видели в Лориане лотерейный билет – принц, пусть и "странный", все же принц. Они усердно играли роль преданных помощниц, не упуская случая поймать его взгляд или "случайно" коснуться руки.

Серафина Д'Арк: Дочь владельца крупнейших красильных цехов. Высокая, статная, с огненно-рыжими волосами, уложенными в сложную прическу, и дерзким взглядом. Она носила платье глубокого аметистового оттенка – вызов всеобщей черноте. Ее "талант" – знание красок, тканей и бездна обаяния, которое она использовала как оружие. Она то и дело "спотыкалась" рядом с Лорианом.

Вивиан Торн: Дочь поставщика редких древесных пород и резчиков по камню. Миниатюрная, с лицом фарфоровой куклы и холодными сапфировыми глазами. Носила нарочито скромное платье цвета морской волны, но каждый шов был безупречен. Казалась тихой, но каждый ее тихий комментарий был точен, как удар стилета. Она обладала безупречным вкусом и знала толк в роскоши – пусть и мрачной.

Моргана Грейс: Дочь владельца сети теплиц, поставлявших редкие (часто ядовитые) растения для замковых садов и алхимиков. Темноволосая, с бледной кожей и загадочной полуулыбкой. Ее платье было глубокого изумрудного, почти черного, зеленого. Она редко говорила, но ее внимательные глаза замечали каждую деталь упадка. Лориан подозревал, что она единственная искренне интересовалась растениями, а не только его титулом. Она умела находить

самые неожиданные решения с помощью флоры – от освежителя воздуха до яда (но об этом вслух не говорили).

Лориан резко остановился на широкой, некогда роскошной галерее второго этажа флигеля. Галерея должна была вести к самым лучшим апартаментам. Сейчас она напоминала туннель в заброшенном склепе. Высокие окна в стрельчатых арках были покрыты вековой грязью и паутиной, сквозь которые пробивался жалкий серый свет. Гобелены на стенах, изображавшие, вероятно, сцены охоты или пиров, истлели, обвисли лохмотьями, сливаясь с плесенью, пожиравшей стены. Резные дубовые панели почернели, местами отставали, обнажая сырую штукатурку. Воздух был спертый, пропитанным запахом пыли, затхлости, влажного камня и... чего-то сладковато-гнилостного. Под ногами скрипели и проваливались половицы.

— Великие Тени... — выдохнул Брендон, с ужасом глядя на свой блокнот, как будто масштаб разрухи только что материализовался в колонке цифр. — Это... это же катастрофа. Полы, стены, потолки... Освещение! Вентиляция!

— Катастрофа – это мягко сказано, — пробормотал Терон, осторожно ткнув пальцем в зияющую дыру в панели. Оттуда посыпалась труха и с писком скрылась пара крыс. — Здесь последний раз ремонт был, когда мой дед пешком под стол ходил. И то, сомневаюсь.

Лориан молчал. Он *чувствовал* эту заброшенность каждой клеточкой. Она висела в воздухе тяжелее брони отца. Это был не просто ветхий флигель. Это был памятник упадку, символ того, что истинная мощь Моргенштернов – иллюзия, поддерживаемая страхом и демонической сделкой, а не заботой о своем домениуме. Поселить сюда Ауринов, этих воплощений древней, ухоженной силы и света? Это было все равно что пригласить короля на пир в свинарник. Впечатление будет не просто испорчено – оно будет растоптано, осмеяно, станет оружием против отца. И против него самого.

— Принц Лориан, — сладким голосом прозвучало рядом. Серафина приблизилась, ее аметистовое платье ярким пятном выделялось на фоне гниющих гобеленов. — Не отчаивайтесь! С помощью правильных тканей и цветов... — Она жестом очертила пространство, будто представляя новые драпировки. — Мы сможем создать иллюзию... достоинства.

— Иллюзию, которая развеется при первом же дуновении ветра из этих щелей, — сухо парировала Вивиан, указывая тонким пальцем на трещину в оконной раме. — Нужна не иллюзия, принц. Нужна основа. Камень, дерево... Реставрация. А это время. Которого у нас нет. — Ее сапфировые глаза холодно оценивали масштаб работ.

— Некоторые растения, — тихо, почти шепотом, вступила Моргана, — могут быстро заполнить пустоты... замаскировать худшее. Плющ особый, папоротники, любящие тень... Они очистят воздух от... запаха. — Она чуть брезгливо сморщила нос.

Лориан кивнул, мысленно отмечая их предложения. Каждое было каплей в море проблем.

— Брендон, — его голос прозвучал резко в тишине галереи. — Ты берешь на себя инвентаризацию ущерба. Полный список: что сгнило, что треснуло, что отсутствует. Смета материалов. Немедленно. Терон – тебе люди. Найди всех, кто может держать молоток или кисть. Заклинателей, способных укрепить камень, хоть на время. Плати из моей казны. Двойную ставку. Молчание – в тройном размере. Лиам – архивы флигеля. Найди старые планы, инвентаризации. Что здесь *было* до того, как превратилось в это. Возможно, что-то можно быстро восстановить по образцу.

Молодые люди кинулись выполнять приказы, растворившись в боковых коридорах, как испуганные тени. Лориан повернулся к девушкам. Их игривые улыбки слегка потухли перед лицом реальной задачи.

— Серафина, Вивиан. Ваша задача – то, что *можно* скрыть тканью и мебелью. Замеры окон для новых портьер – плотных, благородных цветов. Не черных! Темно-синие, глубокие зеленые, бордовые. Богатые, но не кричащие. Ковры – самые лучшие, что есть в резервах, пусть

даже их придется вырвать из-под ног у какого-нибудь барона. Мебель – реставрировать то, что можно, найти лучшее из запасов. Создать... антураж. Видимость уюта в этих каменных мешках. Согласуй цвета с Вивиан. Моргана – твои растения. Быстрорастущие. Маскирующие. Очищающие воздух. Найди их, привези, расставь в горшках, пусти по стенам. Используй теплицы отца. Но! – он посмотрел на них строго, – Никакой откровенной мишуры. Никакой дешевки. Аурины почувствуют фальшь. Нужно достоинство. Сдержанное. Древнее. Понятно?

Девушки обменялись взглядами, в которых читался и вызов, и азарт.

— Понятно, принц, — хором ответили они, и в их голосах впервые прозвучала деловая твердость, а не только сладкая лесть.

Лориан отвернулся, глядя в темный пролет коридора, ведущего к предполагаемым апартаментам главы посольства. Проблемы нарастали, как снежный ком.

Библиотека. Отечественная библиотека замка, которую он должен будет показать, как центр знания. Запыленные фолианты по темной магии, военным хроникам и мрачной философии. Ни тени поэзии, истории других земель, естественных наук. Как это соотносить с эрудицией Ауринов? Нужно было срочно найти хоть что-то нейтральное или впечатляющее, спрятать самое одиозное. И убедить отца не устраивать там выставку окровавленных трофеев.

Бал. Идея казалась кошунственной в этих стенах. Но отец настаивал на "цивилизованности". Значит, нужен бал. Где взять музыкантов, которые не будут реветь марши о завоеваниях? Где взять придворных, которые не станут напиваться в стельку или заискивать перед ауринами, как перед новыми хозяевами? Как разучить с этой толпой дуболомов и интриганов изысканный, полный тонких намеков этикет Ауринов? Их поклоны, жесты, правила беседы? Сам Лориан кое-что знал из книг и, возможно, интуитивно – от матери-луменирки, чьи народы хоть и отличались, но имели общие корни с ауринами. Но научить других... Это было все равно что учить волков танцевать менуэт.

Он сжал кулаки, чувствуя, как знакомое отчаяние смешивается с адреналином вызова. Замок Вечной Тени был гигантской, прогнившей маской. И ему, Лориану, полуэльфу-мечтателю, предстояло за несколько дней натянуть эту маску на лицо империи, чтобы обмануть сильнейших магов мира. Ради отца, которого он презирал и боялся. Ради отсрочки гибели, которая казалась неизбежной. Он глубоко вдохнул воздух, пропитанный запахом тлена, и шагнул вперед, в глубь галереи, навстречу следующему залу, который, он знал, будет еще хуже. За ним, шелестя шелком и перешептываясь уже о практических деталях, последовали три девушки – его невольные союзницы в этой безнадежной битве за ложный блеск.

Часть IV: Танец Теней и Зеркало Прошлого

Бешеная энергия подготовки была ключом по всему Замку Вечной Тени, как лихорадка. Где-то гремели молотки каменщиков, спешно латавших самые вопиющие дыры в Гостевом Флигеле. Где-то Серафина и Вивиан, забыв на время кокетство, с горящими глазами спорили над образцами тканей при свете магических светильников, которые Терону удалось "одолжить" у караульных помещений. Где-то Моргана с помощниками таскала огромные кадки с быстрорастущим тенелюбивым плющом и папоротниками, чьи листья уже начинали поглощать затхлый запах. Брендон, бледный и с помутневшим взглядом, бормотал цифры, а Лиам исчез в пыльных архивах старого флигеля, как крот.

Лориан стоял посреди этого хаоса, в одном из пока еще не тронутых ремонтом коридоров, и чувствовал, как трещит по швам его собственное спокойствие. Мысли метались, как пойманные в ловушку летучие мыши: библиотека, где мрачные фолианты о демонологии соседствовали с военными трактатами; бал, на котором придворные в черном бархате должны были изображать изысканность; уроки этикета для Валтара, обещавшие стать комедией ужасов... Гора проблем росла, а времени таяло, как снег на шипах отцовской брони. Нужно было *думать*. Четко. Холодно. Как стратег. Как... как его отец в лучшие (или худшие?) дни.

Идея пришла странная, почти инстинктивная. Физическая нагрузка. Острая, требующая полной концентрации, выжигающая шелуху паники. Фехтование. Но не в душном зале для тренировок, а там, где сама атмосфера помогала обострить чувства.

— Альрик, — его голос, обычно тихий, прозвучал резко, перекрывая грохот где-то вдалеке. Из тени колонны материализовалась фигура его личного учителя. Старый воин, лицо которого было картой давно забытых сражений, а глаза — холодными, как лезвие. Он не носил броню, только простую кожаную куртку, но в его осанке чувствовалась стальная пружина. Альрик служил замку дольше, чем жил сам Лориан, и знал его тайные уголки лучше кого бы то ни было. Он лишь кивнул на немой вопрос в глазах принца.

— Старый дворец. Сейчас, — бросил Лориан и уже шел, не оглядываясь, зная, что Альрик последует, беззвучный, как тень.

Первый дворец Малкора. Построенный в порыве первой, еще не остывшей победы, задолго до циклопического Замка Вечной Тени. Теперь это был призрак былого величия, притаившийся в глубине обширного внутреннего парка, давно превратившегося в дикие заросли. Стены из грубого темного камня были оплетены буйными побегами дикого винограда и колючего шиповника, корни деревьев взламывали фундамент, а крыша во многих местах обрушилась, открывая небо. Воздух здесь был другим: влажным, живым, пахнущим прелой листвой, землей и цветами, которые никто не сажал, но которые отвоевали себе место под скупым солнцем, пробивавшимся сквозь зелень. Здесь царила тихая, безжалостная победа природы над творением рук человеческих (или демонических).

Они вошли через огромную брешь, когда-то бывшую парадным входом. Лориан достал из складок плаща свой стилет — "Шепот Рассвета". Тонкий, темный клинок с рукоятью, мерцающей каплями самоцветов, казался игрушкой в этом царстве разрушения. Альрик бесшумно вынул свой клинок — нечто среднее между длинным кинжалом и коротким мечом, без изысков, только функциональная сталь, отполированная до матового блеска.

Правил не было. Только тишина, пространство и взаимное понимание. Лориан сделал первый шаг, растворившись в тени колоссальной, полуразрушенной колонны. Его ботинки не оставили следа на ковре из мха и опавших листьев. Он *чувствовал* старое здание: скрип балки где-то наверху, шелест ящерицы в трещине, мерцание света на каменной пыли. Он чувствовал и Альрика — невидимого, но присутствующего, как давление в воздухе.

Схватка Первая: Уклонение.

Тень Альрика метнулась из-за груды обломков. Клинок свистнул, целясь в ребро. Лориан не блокировал. Он *скользнул* в сторону, как ветка, отклонившаяся под порывом ветра. Стальной язык мелькнул в сантиметре от его плаща, вонзившись в рыхлую штукатурку стены. Пыль взметнулась облачком.

Мысли: Прямое столкновение с ауринами — гибель. Как этот удар. Нужно уклоняться. Маневрировать. Показывать силу не в лоб, а через контроль пространства. Контроль ситуации. Библиотека... Не показывать им темные тома. Создать "чистый" угол. Поэзия? Философия? Что-то нейтральное... Но что?

Схватка Вторая: Контрыпад.

Лориан не дал Альрику отступить. Он ринулся вперед, используя низкий обломок стола как трамплин. "Шепот Рассвета" блеснул, целясь в предплечье учителя. Альрик парировал с глухим лязгом, отбивая удар вверх. Лориан использовал инерцию, кувыркнулся через плечо, оказавшись позади, и тут же нанес колющий удар в спину. Альрик, не оборачиваясь, отвел клинок локтем, развернулся молниеносно. Их клинки скрестились в искрах.

Мысли: Недостаточно уклоняться. Нужны ответные ходы. Неожиданные. Бал... Он не может быть таким, как всегда. Нужна другая музыка. Другая атмосфера. Где взять музыкантов? Не замковых трубачей! Может... странствующие барды? Рискованно. Но кто еще?

Схватка Третья: Использование окружения.

Альрик загнал Лориана в угол разрушенной галереи. Сзади – обвалившаяся стена, заросшая цепким плющом. Справа – зияющий провал в нижний этаж. Учитель шел не спеша, клинок наготове. Лориан отступил на шаг... и резко дернул за толстый побег плюща, свисавший с балки над головой Альрика. Заросли обрушились лавиной листьев и веток. Учитель на мгновение исчез в зелени. Лориан не стал атаковать. Он метнулся влево, прыгнул через низкий парапет провала, ухватившись за прочную корневую систему дерева, росшего этажом ниже, и спустился вниз, как тень.

Мысли: Окружение... Гостевой флигель. Его упадок – враг. Но... можно использовать его? Создать атмосферу... "очаровательной древности"? Не ремонт, а консервацию? Подчеркнуть возраст камня, заросшие стены... Но как убрать запах тлена? Как сделать это не запустением, а... романтической руиной? Моргана с растениями... Возможно. Но хватит ли времени?

Схватка Четвертая: Иллюзия и Реальность.

Они сошлись в огромном зале, где когда-то, возможно, пировал молодой Малкор. Сводчатый потолок был разорван, и сквозь дыру лился столб призрачного света (хотя за окнами был еще день, здесь, под сенью деревьев, царил полумрак). Пыль висела в воздухе, как туман. Альрик атаковал серией быстрых, точных выпадов, заставляя Лориана отступать. Клинки пели стальную песню, искры сыпались на мох. Лориан парировал, чувствуя, как устают мышцы. Он сделал шаг в сторону, в густую тень под балконом – и растворился. Не совсем, но его силуэт стал нечетким, расплывчатым, сливаясь с узором теней и листвы. Альрик замедлил шаг, его острые глаза сканировали полумрак. Лориан замер, слившись с колонной, поросшей мхом. Он не дышал.

Мысли: Иллюзия... Вот ключ? Не ремонтировать невозможное, а создать впечатление. Иллюзию ухоженности, гостеприимства, стабильности. Как его мать-луменирка... Но у него нет ее дара. Или... есть? Его "Зеленая Жизнь"... Может ли она помочь не только растениям? Очистить воздух? Освежить камень? Заставить плющ расти быстрее, плотнее, скрывая худшее? Создать аромат... не тлена, а леса? Это риск. Раскрыть свою магию? Но цель...

Схватка Пятая: Озарение.

Альрик потерял его из виду. Старый воин замер в центре зала, слушая тишину. Лориан видел его профиль на фоне светового столба. И вдруг в голове, как вспышка, родилась мысль, не связанная напрямую с боем. *Этикет. Знание ауринов.* Кто в этом проклятом замке, кроме него, знал хоть что-то о древних народах? Кто мог научить? Библиотека была бесполезна – там только мракобесие. Придворные? Смехотворно. Отец? Он презирал эльфов. Валтар? Еще хуже...

И тогда он вспомнил. Глаза его расширились в полумраке. *Старик.* Забытый всеми. Живущий на самой отшибе замка, в башне, которую даже крысы обходили стороной. Мастер Элмонд. Чародей. Не темный маг, не демонолог. Человек, чья магия пахла не серой, а... старыми книгами и сушеными травами. Его отец, Малкор, относился к старику с необъяснимым, сдержанным уважением, даже позволяя ему жить в своем углу и не участвовать в мрачных ритуалах. Валтар, обычно лезущий в драку с кем угодно, опасливо обходил его башню стороной. Самого Лориана Элмонд в детстве учил... не только буквам. Основам *понимания* магии. Жестко, без сюсюканья, но и без жестокости. Он говорил о потоках, о равновесии, о цене силы. Он был... другим. Не злым. Не темным. Просто... вне системы.

Лориан вышел из тени. Альрик мгновенно развернулся, клинок нацелился. Но Лориан опустил "Шепот Рассвета".

— Достаточно, учитель, — сказал он, и в его голосе звучала не усталость, а новое, острое решение. — Я нашел то, что искал.

Альрик медленно вложил клинок в ножны. Его каменное лицо не выражало ничего, но в глазах мелькнуло что-то вроде... удовлетворения? Он просто кивнул и растворился в полумраке зала так же бесшумно, как появился.

Лориан стоял среди руин, дыша влажным, живым воздухом. Мысль о Мастере Элмонде горела в его сознании яркой звездой. Старик знал. Он *должен* был знать об ауринах, об их обычаях, магии, этикете. Он мог помочь с библиотекой – найти или даже *создать* нужные книги иллюзией? Он мог научить... или хотя бы дать совет. Это был огромный риск. Признаться старику в масштабе проблем? Раскрыть отчаянное положение отца? Но другого выхода не было.

Высоко в Западной Башне, в комнате, заваленной свитками, фолиантами и странными кристаллическими приборами, пылящимися на полках, сидел мастер Элмонд. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало высохшую кору древнего дуба, а глаза, цвета потускневшего серебра, казалось, видели сквозь время. Перед ним на грубом деревянном столе стояло не зеркало, а широкая, плоская чаша из темного обсидиана, наполненная водой, столь чистой, что она казалась пустотой. Вода не отражало потолок. В ее черной, неподвижной глади плавали лишь искорки – как далекие звезды.

Элмонд провел над чашей длинным, костлявым пальцем. Вода не заколебалась, но звездные искры сдвинулись, сформировав на миг знакомый образ: светлые, растрепанные волосы, острые скулы, глаза цвета предрассветного неба, полные решимости и скрытой тревоги. Образ Лориана, стоящего среди руин старого дворца.

Старый чародей не улыбнулся. Но уголки его строгих губ дрогнули. В глубине серебристых глаз вспыхнул огонек – не злобы, не злорадства, а... ожидания? Признания?

— Лориан, — прошептал он, и его голос был похож на шелест страниц древнего манускрипта. Звук упал в тишину башни и растворился. — Я жду тебя. Ты придешь...

Искры в чаше погасли. Вода снова стала черной, неподвижной и бездонной, как сама ночь за узкими окнами башни. Старик откинулся на спинку своего кресла, сложив руки на животе. Его взгляд устремился куда-то вдаль, сквозь стены замка, сквозь годы, к тайне, которую он хранил дольше, чем жил юный принц. Тайне крови, связывающей его не только с этим замком тьмы, но и с хрупкой девочкой по имени Элис, и с давно исчезнувшей дочерью леса. Приход Лориана был не просто возможностью помочь. Это был шаг в предначертанное. И Мастер Элмонд был готов.

Часть V: Башня Старых Истин и Цена Защиты

Путь к башне Мастера Элмонда был квестом сам по себе. Лориан шел по самым глухим, забытым слугами коридорам Северного крыла, где пыль лежала нетронутым саваном, а воздух пахтал сыростью и временем. Стены здесь были не черного базальта, а грубого, потемневшего от веков песчаника – остатки самой первой крепости, вокруг которой потом вырос гигантский Замок Вечной Тьмы. Свет проникал лишь через редкие бойницы, рисуя на полу длинные, пыльные полосы. Казалось, сама тень отца не достигала этих мест.

Дверь в основание башни была неприметной, дубовой, потемневшей, без украшений. На ней не было ни замка, ни засова, но Лориан почувствовал легкое сопротивление, словно воздух уплотнился, когда он протянул руку. Магия охраны, не агрессивная, а... предупредительная. Он толкнул дверь, и та бесшумно поддалась, впуская его в полумрак.

Внутри царил хаос упорядоченного знания. Башня была единым, высоким помещением, уходящим в сумрак под самой крышей. Полки, грубо сколоченные из темного дерева, взбирались по стенам спиралью, ломаясь под тяжестью фолиантов в кожаных и деревянных переплетах, свитков, запечатанных воском, и странных приборов из бронзы и хрусталя, покрытых тонким слоем пыли. Воздух был насыщен ароматами: сушеных трав, старой бумаги, воска, металла и чего-то неуловимого – как запах грозы после долгой засухи. Посреди этого царства знаний

и древностей, за столом, заваленным бумагами и осколками какого-то мерцающего кристалла, сидел Мастер Элмонд.

Он не обернулся, когда Лориан вошел. Его спина, прямая, но несущая отпечаток многих лет, была обращена к двери. Серебристые волосы, собранные в строгий пучок, отсвечивали в слабом свете магического светильника – не кровавого или ядовитого, а чистого, холодного, как лунный камень.

— Я чувствовал твои шаги, принц, — прозвучал голос Элмонда. Он был низким, спокойным, как журчание подземного ручья, лишенным дрожи старости. — Шаги человека, несущего груз, превышающий его юные плечи. Садись. Говори.

Лориан подошел, обходя груды книг, и опустился на простой деревянный табурет напротив стола. Глаза старика, цвета потускневшего серебра, встретили его взгляд. В них не было ни страха перед принцем, ни подобострастия, ни даже обычной для замка настороженности. Была лишь глубокая, всепонимающая внимательность. Лориан вдруг почувствовал, как ком в горле мешает говорить. Он пришел просить помощи у, возможно, единственного человека в замке, не принадлежащего к культу силы и страха, и теперь осознал весь масштаб своего отчаяния.

— Мастер Элмонд... — начал он, и голос его дрогнул. Он сжал кулаки, заставив себя говорить четко, опуская детали, но не суть. О посольстве Ауринов. О приказе отца быть «лицом гостеприимства». О кошмаре Гостевого Флигеля – этом памятнике запустения. О невозможности показать библиотеку, полную мрачных фолиантов. О дуболомах, которые должны изображать изысканность на балу. О страхе провала и о том, что за провалом последует не просто гнев отца, а катастрофа, которую он интуитивно ощущал, но не понимал до конца (демонический срок он не знал).

Старик слушал молча, не перебивая. Его пальцы с длинными, тонкими суставами сплетались перед собой. Лицо оставалось непроницаемым. Когда Лориан замолчал, в башне повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием светильника и далеким шумом ветра в бойницах наверху.

— Ты просишь многого, Лориан фон Моргенштерн, — наконец произнес Элмонд. — Импровизировать цивилизацию на руинах тирании... Задача для театра, а не для жизни. Но... — Он слегка наклонил голову. — Ты пришел. Ко мне. Не к отцу с требованием ресурсов, не к брату с приказом запугать рабочих. Это о многом говорит. Но не о всем. — Серебристый взгляд стал пронзительнее. — Ты упомянул растения Морганы Грейс. Но ты не сказал, как *сам* намерен взаимодействовать с ними. Твоя мать, Сильвана Умбрарис... ее дар жив в тебе, принц. Сильнее, чем ты думаешь. Почему ты скрываешь его даже здесь, в этой башне?

Лориан вздрогнул, будто его ударили. Никто. *Никто* в замке не говорил о его матери открыто, а уж о ее даре – и подавно. И уж точно никто не знал о его собственных, тщательно скрываемых способностях. Страх, холодный и липкий, сжал его горло. Раскрыться? Здесь? Сейчас? Это было равносильно подписанию смертного приговора, если старик окажется не тем, за кого себя выдает... Но взгляд Элмонда был не осуждающим, а... ожидающим. Понимающим.

Он закрыл глаза на мгновение, ощущая знакомое тепло в кончиках пальцев, легкое бие жизни в пыльной гераньке, чахнувшей на подоконнике башни. Потом выдохнул.

— Да, — прошептал он, открывая глаза и встречая взгляд мага. — Да, Мастер. Я... чувствую их. Растения. Могу... просить их расти, помогать им. Очищать. Немного. Но... — Он горько усмехнулся. — Моих сил не хватит. Не на такой масштаб. Не за такое время. Я... не она. Я всего лишь полукровка с искрой в крови.

Элмонд медленно кивнул. В его глазах мелькнуло нечто похожее на... одобрение?

— Честность. Редкое качество в этих стенах. Особенно по отношению к себе. И к своим корням. — Он поднялся, его тень, удлинённая светом светильника, заплесала на стеллажах с книгами. — Ты прав. Одной искры мало, чтобы зажечь лес. Но искра – начало. И она у тебя

есть. Что до твоей беды... — Он сделал широкий жест рукой, охватывая хаос башни. — ... Я помогу.

Лориан почувствовал, как камень свалился с души, сменившись изумлением: «Вы... можете? Как?»

— Флигель, — Элмонд подошел к узкому окну, глядя в сторону того самого здания. — Камень помнит свою форму. Дерево — свою крепость. Я не могу сделать его новым. Но я могу... *напомнить* ему. Укрепить то, что еще держится. Очистить от гнили и плесени не грубой силой, а... убеждением стихий. Это займет ночь. Завтра он будет прочным, цельным, дышащим чистотой камня и старого дерева. Не роскошным. Но достойным. Древним. — Он обернулся. — Драпировки, мебель... Ткань впитывает намерение. Я могу вдохнуть в них тень гламура. Не ослепительный блеск, а благородное сияние старины, глубину цвета. Пусть твои девушки с иголкой делают свою работу — моя магия лишь подчеркнет ее качество.

— Библиотека! — вырвалось у Лориана. — Там нет ничего, что можно было бы показать Ауринам! Только мракобесие и военные хроники!

Элмонд усмехнулся, коротко и сухо.

— Знания бывают разными, принц. У меня есть... знакомые. Коллекционеры. Они одолжат кое-что. Легкая поэзия Золотого Века. Иллюстрированные фолианты о птицах южных морей и цветах Лунных Долин. Дамские романы о несчастной любви эльфийских принцесс. Ничего глубокомысленного. Ничего опасного. Достаточно, чтобы заполнить несколько полок и создать видимость культурного интереса. Аурины оценят форму, не вникая в содержание. Иллюзия учености — тоже искусство.

— Музыка... — начал Лориан, но Элмонд поднял руку.

— Это сложнее. Изысканных музыкантов, способных сыграть для эльфийского уха, здесь нет. И привезти их за три дня — невозможно. — Он помолчал, его серебристый взгляд стал тяжелым. — Но есть один выход. Темный. Неоднозначный. Тебе нужно будет пойти к Малахаю Тенепевцу.

Лориан нахмурился. Имя было знакомо. Колдун-некромант, живущий в подземельях под Старым Кладбищем за городом. Человек, которого боялись даже гвардейцы отца.

— Некромант? — с недоверием переспросил Лориан.

— Да, — Элмонд кивнул. — И лучший в округе. Он не воскрешает мертвецов для битвы. Он... общается с тенью. С эхом душ. За последние двести лет в этих землях погибло немало талантливых музыкантов — менестрелей, сожженных за ересь, придворных виртуозов, павших от яда соперников, странствующих бардов, убитых разбойниками. Их талант не угас. Малахай может... призвать их эхо. Облечь в видимость призраков, не злобных, а лишь исполняющих свою музыку. Они сыграют идеально. Любой репертуар. Любую сложность. Это будет незабываемо. Эфирно. И... впечатляюще для Ауринов, но плата Малахаю будет высокой. И не деньгами. Будь готов.

Идея была ошеломляющей. Призрачный оркестр? Это было безумием. Риском. Но... что оставалось?

— Я... подумаю, — с трудом выдавил Лориан.

— Делай, как знаешь, — Элмонд махнул рукой, как будто отмахиваясь от несущественной детали. Потом его лицо стало серьезным, почти суровым. Он подошел вплотную к столу, оперся на него костлявыми руками и посмотрел Лориану прямо в глаза. — Но моя помощь, принц, имеет цену. Не золота. Не услуг. Клятву.

Лориан замер. Взгляд старика стал невыносимо пронизательным, пронзающим.

— Твоя сестра, Элис, — проговорил Элмонд, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — Ей предстоит вскоре покинуть этот замок. Скоро. Очень скоро. Твой отец, Малкор, в своей... отчаянной игре, решил выдать ее замуж за герцога Вальтрана фон Кельна. Союзника Ауринов. Человека старше ее втрое. Интригана, лишенного чести. — Глаза Элмонда горели холодным

огнем. — Я видел это в Чаше Прорицаний. Кровь моей крови... — Он запнулся, поправившись. — ... Девочка будет брошена в пасть волкам политики и похоти как разменная монета. Ей десять лет, Лориан. *Десять*.

Лориан вскочил с табурета, как ошпаренный. Кровь отхлынула от лица. Замужество? Элис? С каким-то старым герцогом? Союзником Ауринов? Это было чудовищно. Бесчеловечно. Гнев, жгучий и чистый, впервые за долгое время затмил страх.

— Он не посмеет! — вырвалось у него хрипло.

— Он уже решил, — холодно парировал Элмонд. — Отчаяние заставляет его хвататься за любую соломинку, даже такую гнилую. И я не могу помешать этому напрямую. Моя сила... не для открытой конфронтации с твоим отцом и его демоном. Но ты... ты можешь быть рядом. Ты *должен* быть рядом. — Он ударил кулаком по столу, заставив дребезжать кристаллы. — Вот моя цена, Лориан фон Моргенштерн. Ты выразишь у отца разрешение сопровождать Элис в ее новую «жизнь». Как брат-опекун. Защитник. Ты поклянешься мне здесь и сейчас, на чем угодно – на своей крови, на памяти матери, на этих древних камнях! – что будешь защищать ее. Что не оставишь ее одну в этом змеином гнезде. Что сделаешь *все*, чтобы она не стала жертвой. Клянись!

Тишина в башне сгустилась, стала осязаемой. Далекий шум замка затих. Лориан видел перед собой не старика-чародея, а воплощение древней, неподкупной воли. Он видел хрупкий образ Элис – ее большие, испуганные глаза, ее доверчивую улыбку, когда она приходила к нему смотреть на цветы. Он видел тронный зал, отца в его броне, Вальтара с его жестокостью. И он видел бездну, в которую толкали его сестру.

Он не колебался. Не было выбора. Не было времени на сомнения. Он выпрямился во весь рост, и в его серо-голубых глазах, обычно меланхоличных, загорелся огонь, унаследованный не от Малкора, а от Сильваны Ночной Тени – огонь тихой, но негибимой решимости.

— Клянусь, — прозвучало тихо, но с такой силой, что эхо отозвалось среди стеллажей. — Клянусь своей кровью, памятью моей матери и камнями этого замка. Я буду с Элис. Я защищу ее. От Вальтрана, от отца, от целого мира, если понадобится. Я не оставлю ее. Никогда.

Мастер Элмонд долго смотрел на него. Потом медленно, с неожиданной для его возраста грацией, опустился на одно колено перед принцем. Не в знак подчинения. В знак признания клятвы.

— Тогда, принц Лориан, — сказал он, поднимая голову, и в его серебристых глазах светилось нечто древнее и мудрое, — мы начинаем. Ибо времени у нас, как и у твоего отца, в обрез. Ибо твоя сестра ждет. Ибо Аурины уже у ворот.

Часть VI: Прах и Сияние, Тени и Шелк

1. Тропа Костей и Шепот Теней

Спустя несколько часов после клятвы в башне Элмонда Лориан фон Моргенштерн стоял у чугунных ворот Старого Кладбища. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в грязно-багровые тона, которые казались зловещим предзнаменованием. Воздух здесь был другим – тяжелым, пропитанным запахом сырой земли, тлена и... тишиной. Не мирной, а *подавленной*. Как будто сама земля затаила дыхание. За воротами, среди накренившихся, покрытых лишайником надгробий и склепов, царил мрак, уже не рассеиваемый угасающим светом. Путь к убежищу Малахая Тенепевца лежал через самое сердце этого царства мертвых.

Честь и долг горели в груди Лориана углями, подогретыми клятвой Элис и отчаянной нуждой в музыке для ауринов. Но страх – холодный, липкий, древний страх перед неизвестным, перед тем, что шевелится под землей и за спиной – сковывал ноги тяжелее отцовской брони. Ему мерещились бледные огоньки в глубине аллей, шелест, не похожий на ветер, скрип камня, будто гробница приоткрывается. Каждый шаг по скрипучей гравийной дорожке отдавался гулко в его черепе. *Это безумие. Договор с некромантом? Призвать призраков?* Но образ

Элис, маленькой и беззащитной, и вид разгневанных ауринов, чья магия могла стереть Вечную Тень с лица земли, гнали его вперед. Честь и долг оказались сильнее страха. Сильнее, но не отменили его. Он шел, сжимая в кармане плаща рукоять "Шепота Рассвета", каждый нерв натянут как струна.

2. Песня Камня и Возрождение Ткани

Тем временем в Гостевом Флигеле Замка Вечной Тени царила непривычная тишина. Мастер Элмонд, выдворив всех рабочих, наперсниц и даже вечно суетливого Брендона с его блокнотом, стоял посреди главной галереи. Он был один. Но его одиночество было наполнено могучей, тихой силой.

Старый чародей поднял руки. Не в драматическом жесте мага, собирающего громы, а плавно, как дирижер, начинающий симфонию. Сначала ничего не происходило. Потом... воздух заколебался. Невидимые волны пошли от Элмонда, касаясь стен, пола, потолка. Они не разрушали, а *ощупывали*, *вспоминали*. И камень откликался. Глухой треск – не обвала, а... затягивания трещин. Песчаник и базальт, столетиями коптившиеся копотью и покрытые плесенью, начали *очищаться*. Не вода смывала грязь, а сама материя стряхивала с себя вековые наслоения, обнажая первозданную фактуру, теплую и живую под магическим воздействием. Плесень съеживалась и исчезала, как проклятая. Прогнившие балки затягивались новой, светлой древесиной, прораставшей прямо из старой, как живое дерево. Обрушенные фрагменты сводов не восстанавливались полностью, но их края сглаживались, покрываясь резьбой, напоминающей сплетение корней и ветвей, создавая иллюзию древних, но цельных руин, заботливо сохраненных. Пыль улеглась, уступив место чистому запаху камня, дерева и... озоном, как после грозы. Магия Элмонда была не взрывной силой Малкора, а терпеливым искусством реставратора, диалогом с самой сутью материала, напоминанием о былой форме и силе. Это было созидание высшего порядка – тихое, глубокое, преобразующее. За ночь флигель не стал дворцом, но он обрел достоинство вековой крепости, очищенной от скверны забвения.

Элмонд, казалось, не устал, но глубина сосредоточенности на его лице говорила о колоссальной затрате сил. Он вышел в соседний зал, где Серафина, Вивиан и Моргана, изгнанные ранее, с трепетом и любопытством разбирали привезенные Терином рулоны тканей – глубокого синего бархата, изумрудного шелка, бордового дамаска.

— Мастер... — начала было Серафина, пораженная чистотой воздуха и изменившейся атмосферой.

Элмонд лишь подошел к столу, где лежал отрез синего бархата. Он положил на него ладонь. Не произнося слов, он *вдохнул* в ткань. Бархат замерцал, как глубина ночного неба, усыпанного звездами. Шелк заиграл внутренним изумрудным светом, будто подсвеченный изнутри. Дамаск приобрел не просто цвет, а *глубину*, переливы, словно старая, благородная кровь. Девушки ахнули, не в силах отвести взгляд. Это был не грубый гламур, а благородное сияние, аура роскоши и старины, вплетенная в саму нить.

— Работайте, — просто сказал Элмонд, его голос звучал чуть глуше. — Ткань запомнила блеск. Пусть ваши иглы лишь направят его.

Затем его серебристый взгляд упал на Лиаму Фроста, который робко ждал в углу, окруженный кипами найденных им пожелтевших планов флигеля.

— Юноша, с вами. — Элмонд кивнул Лиаму. — Нам нужны книги. И я знаю, где их взять. Идемте. — Он не объяснял, куда. Но авторитет старика был непререкаем. Лиам, бледный, но подобравший свои бумаги, поспешил за уходящим магом, оставив девушек среди сияющих тканей.

3. Пляска Теней в Сумерках

Лориан углубился в лабиринт склепов. Сумерки сгущались, превращаясь в настоящую ночь. Факел, который он нес, отбрасывал прыгающие, нервные тени, которые казались живее, чем он сам. И тогда они пришли.

Сначала – шепот. Множество голосов, сливающихся в невнятный, леденящий душу гул. Потом – движение. Из-за массивного надгробия выплыла полупрозрачная фигура в истлевшем воинском плаще, с пустыми глазницами, светящимися тусклым болотным огоньком. За ней – еще одна, в лохмотьях, что могло быть платьем, с неестественно вывернутой шеей. И еще. Они не шли – *скользили* по земле, не касаясь ее. Их руки, больше похожие на когтистые тени, протягивались к Лориану. Шепот стал отчетливее: " *Живой... Кровь... Боль...* "

Сердце Лориана бешено заколотилось. Инстинкт кричал: бежать! Или драться! Но драться с призраками стилетом? Безумие. И бежать напрямую – значило навести их прямо к убежищу Малахая, что могло сорвать все. Вспышка холодной ясности пронзила страх. *Скрытность. Маневр.*

Он не побежал. Он *растворился*. Рывком погасив факел о мокрый камень, он прижался спиной к холодной стене склепа. Его дыхание стало бесшумным, движения – плавными, как у змеи в траве. Он слился с глубокой тенью ниши. Нежить, лишившись яркой цели, замедлила движение. Их светящиеся глазницы метались туда-сюда. " *Где?.. Исчез...* " – зашипело в воздухе.

Лориан не стал ждать. Он двинулся вдоль стены склепа, используя каждый выступ, каждую статую, каждую надгробную плиту как укрытие. Его ноги находили твердую почву среди кочек и корней беззвучно. Он чувствовал холодное дыхание духов, скользящее по его шее, но не оборачивался. Один из призраков, казалось, почуял его – повернулся, его теневая рука протянулась к темноте, где притаился Лориан. Принц замер. Не дыша. Стал частью камня, тени, ночи. Дух замешкался, его внимание привлек шорох (настоящий или мнимый?) справа. Лориан использовал этот миг. Он метнулся не вперед, а *вбок*, в узкий проход между двумя склепами, заваленный буреломом. Он не бежал по нему, а буквально прополз, как тень. Духи, увлеченные ложным следом или шумом, устремились в другую сторону, их жалобный, злобный шепот удалялся.

Лориан выбрался из бурелома, его одежда была в паутине и земле, но он был цел. Он не вступил в бой. Он *перехитрил* смерть. Оглядевшись в почти полной темноте, он увидел тусклый, мерцающий желтоватым светом фонарь у подножия самого большого, полуразрушенного мавзолея. Вход в него, черный провал, казался пастью. Но Лориан знал – это и был вход к Малахаю Тенепевцу. Он сделал глубокий вдох, стряхнул с себя паутину страха и остатки сомнений, и шагнул к черному провалу. За ним осталась пляска обманутых теней в кладбищенских сумерках. Впереди ждал разговор с Повелителем Эха.

Часть VII: Тень Приказа и Искра Бессмертия

Черный провал мавзолея поглотил Лориана. Воздух внутри был ледяным, тяжелым, пропитанным запахом сырой земли, старой кости и... озона, как после разряда молнии. Каменные ступени вели вниз, в крошечную тьму, нарушаемую лишь мерцающим желтоватым светом, лившимся из глубины. Каждый шаг отдавался гулким эхом, будто склеп дышал. Лориан шел, не останавливаясь, стиснув зубы. Страх не исчез, он сжался в холодный комок в животе, но был оттеснен яростной решимостью и новой, незнакомой ролью, которую он принял на себя: не просителя, но принца Вечной Тени, несущего волю своего отца. Пусть даже это и было всего лишь маской.

Внизу открылось помещение, не подземелье в привычном смысле, а нечто среднее между лабораторией и гробницей. Каменные столы, заваленные странными приборами из черного металла и хрусталя, фолиантами в кожах, похожих на человеческую, и склянками с мутными жидкостями. Стены были испещрены сложными, мерцающими слабым светом геометрическими символами. В центре, под висящим с потолка желтым фонарем, сидел на простом каменном стуле Малахай Тенепевец.

Он не был скелетом в робах. Это был живой человек, но казалось, сама смерть легла на него тяжелым отпечатком. Худой до истощения, кожа землистого оттенка, плотно обтягивающая кости. Глубоко посаженные глаза горели неестественно ярким, лихорадочным желтым светом. Черные, жидкие волосы спадали на плечи. Он был облачен в простые одежды темного цвета, не отличимые от теней. Его длинные пальцы с синеватыми ногтями перебирали черную костяную фигурку, похожую на крошечный череп.

— Принц Лориан фон Моргенштерн, — голос Малахая был неожиданно мягким, шелестящим, как сухие листья под ногами, но в нем чувствовалась стальная нить. Он не поднялся. Его желтые глаза впились в Лориана, будто рентгеном просвечивая его душу. — Старый Элмонд предупредил о твоём визите. Хотя... — уголок его тонких губ дрогнул в подобии усмешки, — ...предупреждение было излишним. Твои шаги по кладбищу звучали как барабанная дробь для тех, кто умеет слушать тишину. И твоя... решимость. Она пахнет свежей кровью и старым страхом. Зачем пришел, дитя Тьмы и Света?

Лориан остановился в шаге от круга света фонаря. Он выпрямился, отбросив остатки робости. В его серо-голубых глазах, обычно меланхоличных, загорелся холодный огонь власти — не отцовской жестокости, а ледяной, безжалостной необходимости. Он не просил. Он диктовал.

— Малахай Тенепевец, — его голос прозвучал четко, звонко, заполняя склеп, перекрывая шепот теней за стенами. — К Замку Вечной Тени приближается посольство Ауринов. Златокрылых. Ты знаешь, что это значит.

Некромант медленно кивнул, не отрывая горящего взгляда.

— Знаю. Сила древняя. Гордая. Скупая на милость.

— Для приема нужна музыка, — продолжил Лориан, не позволяя вставить слово. — Не марши караула. Не пьяные застольные песни. Музыка, достойная эльфийского слуха. Изысканная. Безупречная. Завтра. — Он сделал паузу, подчеркивая невозможность сроков. — Элмонд сказал, ты можешь дать это. Призвать эхо душ музыкантов, что нашли покой на этой земле. Пусть сыграют. Пусть впечатлят.

Малахай замер. Его пальцы сжали костяную фигурку так, что та затрещала.

— Элмонд любит раздавать чужие возможности, — прошипел он, но без злобы, скорее с горькой иронией. — Да, могу. Эхо таланта... оно не гаснет. Его можно... озвучить. Облечь в видимость. Но это не фокус для ярмарки, принц. Это глубокое вторжение в Покров. Это требует силы. Знания. И... платы. Не золотом. — Его желтые глаза сузились. — Элмонд, я полагаю, предложил тебе обратиться ко мне, но не сказал, чем я захочу вознаградить себя за такой... спектакль?

Лориан не моргнул.

— Назови свою цену. Если она в пределах разумного и не угрожает Вечной Тени.

Малахай рассмеялся. Звук был сухим, как треск ломающихся костей.

— Разумное? Угрожает? О, юный принц, ты еще так наивен в играх силы. Моя цена... это страховка. — Он поднялся со стула. Его фигура, казавшаяся хрупкой, вдруг обрела зловещую внушительность. Тени в углах склепа зашевелились, сгустились. — Я вижу дальше, чем думаешь. Я слышу шепот судьбы, что витает вокруг твоего отца. Как песок, утекающий в бездонный час. Двести лет... почти истекли, да? — Его взгляд стал пронзительным, почти физически ощутимым. Лориан почувствовал, как кровь стынет в жилах. *Он знает. Знает о договоре!* — Когда демоны придут за своим должником... что станет с его королевством? С его... наследниками? Хаос. Пожирающий хаос. А я... я не желаю быть растерзанным в этом хаосе.

Он сделал шаг вперед, выходя в круг света. Его бледная рука с синеватыми ногтями протянулась к Лориану, ладонью вверх. На ладони ничего не было, но воздух над ней заколебался, сгустившись в крошечное, пульсирующее черное пламя. Оно не светило, а поглощало свет вокруг себя.

— Моя цена — это ты, Лориан. Вернее... частица тебя. Искра моей силы. Моей сущности. — Голос Малахая стал заклинающим, гипнотическим. — Я передам ее тебе. Не для того, чтобы сделать тебя некромантом. Нет. Ты носишь в себе иной дар — дар жизни. Это будет... симбиоз. Тень и Рост. Но главное — связь. Клятва души. — Он наклонился чуть ближе, его дыхание пахло холодом могилы и озоном. — Если падет твой отец, и хаос придет за мной... я найду убежище. В тебе. Моя сущность, мои знания, мое я ... перейдут по этой нити. Я стану... пассажиром в твоей душе. Тихим эхом. Советчиком во тьме. Ценой за музыку для эльфов будет твое согласие стать... ковчегом для меня на случай бури. Моим учеником не по желанию, а по необходимости бессмертия.

Лориан отшатнулся. Ужас, чистый и первобытный, охватил его. Разделить свою душу? Допустить этого... *существа* внутрь себя? Стать сосудом для некроманта? Это было хуже смерти. Это было осквернением всего, что в нем было светлого от матери.

— Это безумие! — вырвалось у него. — Ты предлагаешь мне стать твоим рабом? Твоим пристанищем?!

— Не рабом, — поправил Малахай, и в его голосе впервые прозвучала странная нота... усталости? — Учеником. Носителем. Цепью, связывающей меня с этим миром, когда мое тело станет прахом. А твоя душа... — его желтые глаза скользнули по лицу Лориана, — ...она крепка. И странно... чиста для Моргенштерна. Она выдержит. И кто знает? Мои знания могут однажды спасти тебя. Или ту девочку... Элис. — Он произнес имя почти нежно, и это звучало жутковато.

Мысли Лориана метались. Образ Элис, маленькой и беззащитной, которую он поклялся защитить. Образ ауринов, чье недовольство могло обрушить все. Музыка была ключом. Ключом к иллюзии, к отсрочке, к возможности выполнить клятву Элмонду. Без нее — провал. Провал означал гнев отца, возможно, кару, и потерю шанса быть рядом с Элис.

Он посмотрел на черное пламя над ладонью некроманта. Оно пульсировало, как живое сердце тьмы. Это была цена. Цена за защиту сестры. Цена за шанс. И цена, которая могла связать его с этой тьмой навсегда.

Лориан закрыл глаза. Он увидел не кладбище и не склеп. Он увидел балкон с луноцветами. Увидел Элис, смеющуюся над каким-то цветком. Увидел клятву, данную Элмонду. Он сделал шаг вперед. Его рука дрожала, но он поднял ее, не к стилету, а к протянутой ладони Малахая. Он не смотрел на черное пламя. Он смотрел в желтые, горящие глаза некроманта.

— Делай, — сказал он, и его голос был тихим, но стальным. — Но знай, Тенепевец. Если твое "эхо" когда-нибудь попытается подчинить мою волю, причинить вред мне или Элис... я найду способ изгнать тебя в самую глухую бездну. Даже если мне придется сжечь свою душу дотла. Музыка должна быть безупречной. Завтра. На рассвете.

Малахай Тенепевец улыбнулся. Это было страшное зрелище — его кожа натянулась на черепе.

— Договорились, принц-ковчег, — прошелестел он. Его рука с черным пламенем резко двинулась вперед, не к руке Лориана, а прямо к его груди, к сердцу. — Прими искру Тени. И помни... ученичество начинается с доверия. Или с отчаяния.

Черное пламя коснулось груди Лориана. Не было боли. Был леденящий холод, пронзивший плоть и кость, ударивший прямо в сердце, а затем расплзающийся по жилам, как черная паутина. Лориан вскрикнул от шока, от ощущения чужеродного, древнего и бесконечно холодного присутствия, впущенного внутрь. Мир на миг померк. Когда зрение вернулось, Малахай стоял на прежнем месте, черное пламя исчезло. На груди Лориана не было следа, но внутри... внутри что-то изменилось. Появился тихий, ледяной уголок. И шепот, едва различимый, как далекий ветер в подземелье: "*Договор заключен...*"

Лориан тяжело дышал, опираясь о холодный каменный стол. Он чувствовал слабость и... странную пустоту там, где только что был ужас. Цена была заплачена. Музыка будет. Теперь

ему нужно было держаться. Ради Элис. Ради клятвы. И ради того, чтобы однажды не стать вечным пристанищем для Повелителя Эха. Игра вступила в новую, смертельно опасную фазу.

Часть VIII: Свет, Вторгающийся во Тьму

Рассвет над землями Вечной Тьмы был не золотым, а грязно-серым, как пепел. Туман, вечный спутник владений Малкора, цепко держался за иссохшую землю, скрывая корявые пни мертвых лесов и унылые холмы. Но в этот день серость была разорвана. С запада, по Дороге Старых Клятв, двигалось сияние. Посольство Ауринов вступило на земли Малкора.

Их было двенадцать. Шесть мужчин, шесть женщин. Не процессия, а скорее легкая прогулка бессмертных, чьи стопы едва касались земли, но ни один тяжело вооруженный всадник не смог бы пройти за день и половину их пути. Они шли без видимой охраны, без громоздких повозок – лишь несколько изящных, быстроногих коней цвета лунного света несли легкие выюки, но их присутствие было мощнее любой армии.

Они были воплощением вечной юности и древней мудрости. Высокие, статные, с движениями, исполненными нечеловеческой грации. Их кожа светилась здоровым, теплым загаром или была бледной, как слоновая кость, но она всегда была безупречной. Волосы – водопады золота, меди, пламени заката, лунного серебра или глубокого каштана – струились по плечам или были убраны в сложные, но легкие узлы, перевитые тончайшими нитями света. Одежды – не броня, а шедевры тончайшего ткачества: плавные линии плащей и туник из тканей, переливающихся, как крылья драгоценных жуков, в оттенках неба, моря, весенней листвы и солнечного света. На них почти не было украшений, но те немногие – заколки в виде звезд, пояса с кристаллами чистой воды, браслеты из живых цветов – казались частью их самих, излучали мягкий внутренний свет.

Это был свет не агрессивный, а естественный, как дыхание мира. Он рассеивал туман вокруг них, заставляя чахлую траву на обочине на миг позеленеть, а мрачные камни – сбросить вековую копоть. Контраст с иссохшей, пропитанной тенью землей Вечной Тьмы был болезненным, почти кощунственным. Они шли, и мрак отступал перед ними, как живой.

Во главе шел **Аэлиндор Морнэльва**. Посол. Его волосы были цвета темного золота, собранные у висков серебряными зажимами, оставляли открытым высокий, благородный лоб. Глаза – глубокие, как омуты летнего леса, зеленые с золотистыми искрами – смотрели на мир с безмятежной, непроницаемой мудростью тысячелетий. Его лицо, с резкими, но гармоничными чертами, дышало спокойной силой. На нем был плащ цвета морской глубины, переходящий в бирюзу на подоле, и простая туника из белоснежного шелка.

Рядом с ним, почти танцуя, шла его спутница – **Мириэль Лотанариэль**. Она выглядела юной девушкой лет семнадцати – хрупкая, с лицом невинной феи, обрамленным каскадом серебристо-белых, почти светящихся волос. Ее огромные глаза цвета весеннего неба сияли детским любопытством и весельем. Она была одета в струящееся платье цвета утренней зари – розовое, золотистое, персиковое, – которое колыхалось вокруг нее, как живое облако. На ее тонкой шее висел единственный кулон – капля чистого света, застывшая в воздухе. Но в глубине этих синих глаз, если приглядеться, горели искры опыта, недоступного ни одному смертному. Ей было полторы тысячи лет. И она была женой Аэлиндора. Их связь была не узами собственности, а сплетением душ, игрой древних сердец, нашедших отклик в бесконечности.

– Смотри, Кэлэн! – Мириэль звонко рассмеялась, указывая тонким пальцем на черную, корявую ветку у дороги, где сидела единственная уцелевшая в этих землях бабочка с потрепанными крыльями тускло-синего цвета. – Даже здесь жизнь цепляется за сияние! Как трогательно!

Аэлиндор улыбнулся ей с невыразимой нежностью, в которой не было и тени снисходительности к ее «юному» виду.

– Все живое тянется к свету, Мириэль, даже если свет лишь мимолетный гость, – его голос был мягким, как шелест листьев, но несущим силу векового дуба.

Позади них, двое из шестерых воинов-магов охраны (хотя слово «охрана» было слишком грубым для их роли) шли чуть поодаль. Мужчина, **Финор Аранион**, с волосами цвета осеннего дуба и глазами, как расплавленное золото, и женщина, **Аэрин Тиндомиэль**, чьи черные, как вороново крыло, волосы были заплетены в сложную косу, а глаза сверкали аметистовым огнем. Их доспехи были легки и элегантны – скорее, украшенные узорами камзолы и поножи из гибкого, мерцающего материала, чем тяжелая броня.

– Помнишь тот жалкий городишко на границе, Аэрин? – Финор ухмыльнулся, его золотые глаза весело блеснули. – Как же он назывался? Вейденбург? Славный был барон... Фолкмар, кажется? Вечно краснел, когда ты смотрела на его сына-пажа.

Аэрин засмеялась, звук ее смеха был как звон хрустальных колокольчиков. Она легко коснулась руки Финора.

– О, Фолкмар был прелестен в своем смущении! А тот паж... милый мальчик. Искренний. Горячий. – В ее аметистовых глазах мелькнуло что-то теплое, ностальгическое, но без тени привязанности. – Три ночи поэзии у его камина... и он был счастлив, думая, что завоевал сердце вечной эльфийки. А ты, Финор? Разве не ублажал тогда дочь трактирщика? Та, что пела как соловей?

Финор махнул рукой, но улыбка не сходила с его лица.

– Ее голос был дивным даром для столь короткой жизни. Я лишь... вдохновил ее на пару новых песен. Им нужны яркие краски в их сером существовании. Мимолетные искры. Мы дарим их, они дарят нам... свежесть восприятия. И никто не страдает. – Он взглянул на Аэрин, и в их взгляде был полный, безмятежный взаимопонимание. Ревность? Для существ, видевших смену эпох, сжигавших сердца в десятках страстей и находивших новые, это понятие было так же чуждо, как страх смерти. Любовь – величайшая тайна сплетения душ. Игры тел – мимолетные радости, не оставляющие шрамов на бесконечности.

Они шли дальше, эти двенадцать лучей света, врезающихся в царство вечной тени. Их свет очищал воздух, заставлял замолкнуть шепот зловещих духов, что обычно витали над дорогой. Впереди, на мрачном холме, уже вырисовывались угрюмые башни Замка Вечной Тени. На его самой высокой смотровой площадке, невидимый для приближающихся гостей, стоял Лориан.

Он видел это сияние. Видел непринужденную грацию, древнюю мощь, скрытую под маской вечной юности. Видел контраст их света с его мрачным домом. И чувствовал ледяную искру Малахая, пульсирующую у него в груди, как черное предзнаменование. Иллюзия гостеприимства, созданная с таким трудом, начиналась. Игра в достоинство, где ставкой были его сестра, его душа и, возможно, само существование Вечной Тьмы, началась. Сияние Ауринов приближалось к порогу тьмы. И Лориан фон Моргенштерн, полуэльф, наследник демона и носитель некроманта, сделал глубокий вдох, готовясь встретить свет, который мог как ослепить, так и погубить.

Глава 3.

Часть IX: Взгляд Весны на Царство Ржавчины

го. От замка, от отца, от необходимости быть тем, кем он не был. В них читалась меланхолия, острая, как лезвие, и какая-то внутренняя чистота, совершенно не вязавшаяся с мраком Моргенштернов. Полукровка. Сын Тьмы и... кого? Кого-то светлого. Очень светлого.

Аэлиндор подошел к нему, завязывая неторопливую беседу о дороге, о видах. Я же осталась в стороне, позволив себе роскошь наблюдения. Составляла профиль. Не для отчетов. Для себя. Это был мой старый, любимый спорт. Читать души, как открытые книги.

Профиль Объекта: Лориан фон Моргенштерн.

Внешний слой: Напряженная вежливость. Добросовестное исполнение долга. Тщательно контролируемая речь и движения. Маска "достойного принца", натянутая с усилием.

Под слоем: Глубокая меланхолия. Одиночество, ощущаемое почти физически. Ум острый, наблюдательный (отмечает детали, следит за реакциями). Неприятие окружающего мрака (микро-гримасы при громких звуках гарнизона за окном, легкое отвращение к излишней лести одного из своих помощников).

Глубины: Искра чего-то иного. Не демонического. Живого. Зеленого? (Ассоциация с чистым воздухом флигеля, с неуловимым ароматом растений). Сильная воля, сжатая в кулак под давлением обстоятельств. И... боль. Старая, детская боль. Отсутствие матери? Жестокость отца?

Вывод: Хрупкий мост между мирами. Не принадлежит ни Тьме отца, ни Свету материнской крови. Зажат. Страдает. Но не сломлен. *Интересно.*

Именно поэтому я решила подойти. Не сразу. Дала ему закончить с Аэлиндором. Дождалась момента, когда он остался на мгновение один, глядя в высокое окно на мрачные башни замка, словно заключенный, любующийся на тюремные стены. Мои шаги были бесшумны, но он почувствовал – повернул голову. Его глаза встретили мои – весеннее небо, полное наивного любопытства, столкнулось с предрассветной мглой, полной усталой мудрости не по годам.

– Принц Лориан, – заговорила я, голосом, похожим на звон крошечных колокольчиков, намеренно легким, не несущим угрозы. – Этот флигель... он дышит. Вы вдохнули в него жизнь. Или ваш мастер? – Я кивнула в сторону камня стены. – Это редкое искусство. Напоминать камню о его песне.

Он слегка напрягся, но не отшатнулся. Хорошо. Первый тест на реакцию пройден – не испуг, а настороженность.

– Мы старались создать достойные условия для столь... выдающихся гостей, леди Мириэль, – ответил он ровно. Вежливо. Шаблонно. Маска на месте.

Я рассмеялась, легким, серебристым смехом, заставляющим его глаза на миг расшириться от неожиданности.

– О, не прячьтесь за формальностями, милый принц! – Я сделала шаг ближе, не нарушая его личного пространства, но сократив дистанцию. – Я вижу следы истинного мастерства. Это не просто ремонт. Это... поэма из камня и воли. Ваш Элмонд – творец с душой. А вы... – Я наклонила голову набок, изучая его лицо, – ...вы дирижер этой симфонии? Подобрали каждую ноту? Каждого музыканта? – Я кивнула в сторону его «команды», которая старательно изображала занятость, но косилась в нашу сторону.

Легкая краска тронула его скулы. Интересно! Смущение? Или гнев, что его раскусили?

– Я... лишь направлял усилия тех, кто способен на большее, чем страх и разрушение, – сказал он осторожно, избегая прямого ответа, но и не отрицая.

– Скромность украшает, – улыбнулась я лучезарно. – Но ложная скромность – как черная вуаль на солнце. Она лишь привлекает внимание к тому, что пытается скрыть. – Я протянула

руку, не дотрагиваясь, к веточке плюща, аккуратно пущенной по колонне Морганой Грейс под чьим-то чутким руководством. — Вы создали здесь оазис. Маленький, хрупкий, но оазис. В пустыне Вечной Тени. Это требует не только ума, но и... смелости.

Я смотрела ему прямо в глаза, позволяя своему взгляду смягчиться, наполниться не только любопытством, но и искренним, пусть и легким, восхищением. Не соблазнением плоти — этим примитивным оружием местных красавиц. Соблазнением *признанием*. Признанием его усилий, его скрытой борьбы, его *инаковости* в этом царстве тьмы. Я играла струнами его души, которые, как мне казалось, отзывались на ноту понимания и оценки. Это была тонкая романтическая игра древних эльфов: не обладание, а узнавание. Не страсть, а любопытство к уникальной искре в брэнном мире.

Его взгляд дрогнул. Неуловимо. Маска принца Вечной Тени дала микротрещину. В глубине стальных глаз мелькнуло что-то — удивление? Растерянность? Жажда того самого понимания? Он быстро отвел взгляд, снова глядя в окно, но его поза стала чуть менее напряженной.

— Оазис, леди Мириэль, — сказал он тихо, почти про себя, — часто лишь иллюзия для усталого путника. Пока не найдешь настоящий источник.

Моя улыбка стала теплее, почти нежной. Игра началась. И первый камешек упал в воду его замкнутого мира, порождая круги. Мне было *интересно*. Интересно, что скрывается за этой меланхолией, за этой болью, за этим отчаянным стремлением создать красоту среди праха. Интересно, сможет ли этот хрупкий мост выдержать не только наш свет, но и мое любопытство. Аэлиндор наблюдал за нами с другого конца зала, и в его мудрых глазах я прочла легкую, одобрительную усмешку. Он знал мои игры. И, похоже, объект этой игры был ему тоже безразличен. Вечная Тень внезапно стала гораздо интереснее.

Часть X: Цветы во Тьме и Тень Брата

(Повествование от лица Лориана фон Моргенштерна)

Ее глаза. Боги, эти глаза. "*Весеннее небо*" — так подумал бы поэт. Я же видел в них бездонные озера, где утонули тысячелетия. Мириэль Лотанариэль подошла ко мне с улыбкой, от которой каменные стены Замка Вечной Тени казались абсурдом. Ее легкость была оружием, острым как "Шепот Рассвета". Когда она заговорила о флигеле, о "поэме из камня", я почувствовал, как сжимается сердце. *Она знает*. Знает, что это фасад. Но в ее словах не было насмешки — лишь искреннее восхищение мастерством Элмонда. Это обезоруживало сильнее любой магии.

— *"Вы создали оазис, принц Лориан. В пустыне Вечной Тени."*

Ее слова обожгли. "Оазис". Иллюзия. Как и все здесь. Я хотел ответить цитатой из отцовского свода законов о "силе через подавление", но встретил ее взгляд — теплый, любопытный, лишенный привычной мне лжи. И вместо этого услышал собственный голос, тихий и хриплый:

— *Оазисы часто мираж, леди Мириэль. Пока не найдешь источник.*

Она рассмеялась. Звук, как падение звезд в хрустальную чашу.

— *Мираж? Возможно. Но даже мираж дает надежду усталому. А вы... явно устали.*

Ее рука, легкая как крыло бабочки, указала на балкон в конце галереи.

— *Покажите мне ваш источник надежды, принц. Покажите мне сердце этой каменной пустыни.*

Сердце? Сердце замка — тронный зал, где отец пьет страх подданных. Но она просила не это. Она просила *мой* мир. Балкон. Луноцветы. Могилу моих иллюзий и единственное место, где я дышал. Паника сжала горло. Вести *ее* туда? Рискнуть, что отец или Валтар увидят? Но отказать послу Ауринов — смерти подобно.

Я кивнул, коротко, и поймал взгляд Терона Кроу, притаившегося у колонны. Одного жесткого взгляда хватило: "*Расчисти путь. Немедленно*". Терон исчез в тени, подвижный как угорь.

Путь через коридоры Вечной Тени превратился в сюрреалистичный ритуал. По мере нашего движения гвардейцы, обычно бряцающие доспехами и бросающие наглые взгляды, замирали по стойке "смирно". Статуи в черной броне. Безликие. Беззвучные. Их шлемы были опущены, копья — вертикально, как черные свечи на похоронах. Даже факелы в бра горели ровнее, без привычного треска. Мириэль шла рядом, ее серебристые волосы мерцали в полумраке, как лунная дорожка. Она не комментировала "парад мертвецов", но уголок ее губ дрогнул — то ли усмешка, то ли грусть.

— *Ваши войны дисциплинированы, принц,* — заметила она нейтрально.

— *Они знают цену нарушению приказа,* — ответил я, и горечь на языке была горше полыни.

И вот он — балкон. Западная башня. Завеса из дикого плюща, трещины в камне, запах влажной земли и... *они*. Луноцветы. В полном, немыслимом для этого ада цвету. Сегодня не полнолуние, но под магическим взглядом Мириэль бутоны раскрылись, будто приветствуя родственную душу. Крупные, с перламутровыми лепестками, излучающими мягкий серебристый свет, они обвивали перила живым ковром. В их сиянии кружились ночные бабочки — крошечные существа с крыльями, переливающимися синим неоном.

Мириэль замерла. Ее "весенние" глаза расширились, отражая лунное сияние цветов. Детское любопытство сменилось изумлением знатока. Она шагнула к перилам, не скрывая восторга.

— *Lunaria Noctiflora...* — прошептала она, и в ее голосе звучало благоговение. — *Но таких... я не видела никогда. Они впитывают не только лунный свет, но и тень этого места. И преобразуют...* Она осторожно коснулась лепестка. Цветок дрогнул, и сияние усилилось, окутав ее палец серебристым ореолом. — *...преобразуют тьму в чистую магию жизни. Это чудо, принц Лориан. Ваше чудо.*

Она обернулась ко мне. В ее взгляде не было лести. Было *понимание*. Она видела не просто цветы. Она видела *мой* бунт. Мою попытку создать жизнь там, где царила смерть. Грудь сжалось так, что я не смог вымолвить ни слова. Лишь кивнул, чувствуя, как предательское тепло растекается по щекам.

И в этот хрупкий миг тишину разорвал голос, грубый и знакомый:

— *Брат! Отец требует отчета о размещении... гостей.*

Валтар. Он стоял в проеме башни, залитый мраком коридора, как демон, явившийся по зову. Его черная броня (он не снимал ее даже в замке) поглощала свет луноцветов. Холодные глаза, лишённые искры, скользнули по Мириэль с оценкой трофея, затем — с презрением по мне. Он шагнул на балкон, нарочито громко стуча латной обувью по камню. Бабочки в испуге вспорхнули.

— *Принц Валтар фон Моргенштерн,* — он отдал Мириэль короткий, резкий поклон, больше похожий на выпад. — *Наследник Вечной Тени. Командующий гарнизоном.* Его голос был ударом молота по хрусталу. Он попытался встать между мной и Мириэль, его широкая фигура заслонила свет цветов, бросив на нее тень. — *Надеюсь, мой брат не утомил вас своими... ботаническими экскурсиями, леди? Замок полон куда более впечатляющих достопримечательностей. Оружейные залы. Зверинец. Пыточные камеры — образец инженерной мысли.*

Мириэль не отступила ни на шаг. Ее синие глаза, еще секунду назад теплые, стали холодными и пронзительными, как ледники. Она окинула Валтара взглядом, быстрым и безошибочным, как удар скальпеля.

Контраст.

Лориан — стебель тростника во тьме, гибкий, наполненный скрытым светом и болью.

Валтар — дубовый сук, грубый, прогнивший изнутри, но обтянутый броней силы.

Общее. Тень отца. Гнетущая, как плащ, сшитый из страха. Но если Лориан пытался эту тень сбросить, или хотя бы *отодвинуть*, то Валтар укрывался ею с гордостью, как мантией власти. Он *требовал*, чтобы тень признала его своим.

— *Принц Валтар*, — ее голос зазвучал, как звон хрустального колокольчика, но в нем появилась стальная нить. — *Ваша... энергия впечатляет. Как извержение вулкана. Мощно. Примитивно.* Она сделала микроскопическую паузу, дав словам вонзиться. — *Но я уже наслаждалась уникальной флорой вашего брата. Она куда тоньше пыточных орудий. Как и его беседа.*

Она повернулась ко мне, спиной к Валтару, словно его внезапно не стало. Ее улыбка вернулась, но теперь в ней читался вызов.

— *Принц Лориан, эти Луноцветы... Они цветут только в полнолуние? Или магия Ауринов столь для них притягательна?*

Валтар застыл. Его лицо, и без того резкое, искадила гримаса ярости и... замешательства. Его "мощь" и "примитивная энергия" (так точно подмечено — море тестостерона, бьющее через край) были проигнорированы. Отброшены как нечто не стоящее внимания высокородной эльфийки. Он привык запугивать или соблазнять грубой силой. Но Мириэль... она была не из тех, кого можно запугать, а соблазнить ее человеческой маскулинностью? Это было так же абсурдно, как пытаться увлечь орла игрой в кости. Она оценила его, как биолог оценивает агрессивный, но предсказуемый вид — с холодным научным интересом и легкой брезгливостью.

Я увидел, как сжимаются его кулаки в латных перчатках, как желчь подступает к горлу. Он был унижен. И это было опасно. Но в этот миг, под серебристым светом *моих* цветов, смотря в бездонные глаза Мириэль, я впервые за долгие годы почувствовал не страх, а... странную, хрупкую победу.

— *Они чувствуют истинный свет, леди Мириэль*, — ответил я, глядя не на брата, а на нее. — *Даже если он пришел лишь на мгновение. Они расцветают ему навстречу.*

За моей спиной Валтар глухо зарычал и, не сказав больше ни слова, развернулся и скрылся в черном провале двери. Его шаги эхом отдавались в башне, как отступление поверженного зверя.

Мириэль не повернулась. Она лишь подняла бровь, а в ее глазах мелькнуло что-то древнее и мудрое — понимание цены этой маленькой победы во тьме.

— *Мгновения иногда значат больше, чем века, принц*, — тихо сказала она. — *Как и один живой цветок — больше, чем мертвый железный лес.*

Ее пальцы снова коснулись лепестка Луноцвета. Серебристый свет окутал нас, став щитом от окружающего мрака. Всего на мгновение.

Часть XI: Танец Стали и Света

Пока Лориан вел Мириэль сквозь мрачные лабиринты замка, пытаясь показать хоть что-то, кроме подавляющей угрюмости, перед Гостевой Башней разворачивалась иная сцена. На пылившемся плацу, где обычно маршировали солдаты Малкора, столкнулись два мира, воплощенные в клинках.

Кассиан Рейвуд. Юноша лет восемнадцати, сын барона-пограничника. Его нельзя было назвать красавцем – резкие черты, вечно обветренное лицо, коротко остриженные темные волосы. Но глаза... Глаза горели одержимым огнем. Он не замечал грязи под ногами, мрачных шпилей, витавшего в воздухе страха или даже восхитительных Ауринов как таковых. Он видел только одно: эльфийского воина, **Финора Араниона**, и элегантный эфес его длинного, изогнутого, словно луч света, клинка, висевшего у пояса. Кассиан жил фехтованием. Дышал им. Спал с деревянной тренировочной рапирой. Тьма отца, демоны, политика – все это было для него лишь фоном, мешающим сосредоточиться на совершенствовании стойки и быстроте

выпада. Именно за эту слепую, фанатичную страсть Лориан и включил его в свиту. Кассиан не сломается, не испугается, не станет лебезить. Он будет говорить только о стали.

И он заговорил. Нет, не заговорил – засыпал Финора вопросами, как градом:

— Ваш клинок... из закаленного звездного света? Или эльфийской стали? Баланс? Вес? Длина гарды? Ваша стойка – ближе к Квинте или Терции? Слышал, вы используете микродвижения запястьем для парирования, как в школе Лебеда? Правда ли, что аурины могут предвидеть удар по мановению брови противника?

Финор, чьи золотые глаза обычно светились веселой иронией, сначала смотрел на Кассиана с искренним недоумением, как на редкий, шумный экземпляр фауны. Потом в его взгляде мелькнул интерес. Искренность, пусть и столь узконаправленная, была редким гостем в этих землях. Аэрин Тиндомизель, наблюдавшая рядом, прикрыла рот изящной рукой, скрывая улыбку. Ее аметистовые глаза весело блеснули.

— Молодой человек, — Финор поднял руку, мягко, но властно прерывая поток вопросов. — Теория – прах. Истина – в движении. Хочешь узнать мою школу? — Он легко выхватил свой клинок. Сталь запела тонким, чистым звуком, непохожим на грубый лязг замковых мечей. Клинок был длинным, чуть изогнутым, с минималистичной гардой, больше похожей на изящное украшение. Он ловил скупое солнце, рассыпая блики. — Покажи мне свою.

Кассиан не заставил себя ждать. Его меч – добротный, тяжелый, с широким клинком и солидной гардой – привычный инструмент местной школы, ориентированной на мощь, защиту и сокрушительный удар – был обнажен мгновенно. Он занял стойку: вес на согнутых ногах, корпус чуть развернут, клинок перед собой, острие направлено на противника. Классическая, устойчивая, силовая позиция.

Финор лишь улыбнулся. Он стоял прямо, почти непринужденно, его клинок был опущен вдоль бедра, острие у земли. Он выглядел открытым, беззащитным.

— Начинай, — просто сказал аурин.

Кассиан атаковал. Мощный, как удар кузнечного молота, выпад в корпус. Меч свистнул в воздухе. Финор не отпрянул. Он *сдвинулся*. Едва заметный шаг в сторону, плавный, как скольжение тени. Его клинок взметнулся вверх легким движением запястья – не для парирования грубой силы, а для *направления*. Лезвие Кассиана соскользнуло по эльфийской стали с пронзительным визгом искр и ушел в пустоту. Финор даже не поднял клинок выше уровня пояса.

— Слишком прямолинейно, — прокомментировал Финор, его голос был спокоен. — Сила – это хорошо. Но слепая сила – мишень.

Кассиан нахмурился, атаковал снова. Серия рубящих ударов – в голову, плечо, бедро. Каждый удар мог срубить ветку дуба. Финор парировал их не силой, а *точностью и углом*. Его клинок описывал в воздухе короткие, экономные дуги, едва касаясь меча Кассиана в самой сильной точке удара, отклоняя его острие на сантиметры, которых хватало, чтобы сталь прошла мимо. Он двигался минимально, с невероятной эффективностью, будто знал траекторию каждого удара еще до его начала. Его стопы едва отрывались от земли, скользя по пыли, а не топая, как у Кассиана.

— Ты борешься с мечом, а не управляешь им, — заметил Финор, легко уйдя от еще одного сокрушительного удара, который врезался в землю, подняв фонтан пыли. — Меч – продолжение руки. Мысль – прежде движения.

Раздраженный, Кассиан попытался ускориться. Он пошел вперед, наращивая темп, пытаясь задавить аурина напором. Его удары сыпались градом. Финор отступал, но его отступление было контролируемым танцем. Его клинок превратился в серебристый веер, отбивающий, отклоняющий, сбрасывающий каждую атаку. Звуки стали – визг, лязг, чистый звон – слились в странную, напряженную музыку.

— Школа Молота против Школы Иглы, — прошептала Аэрин, наблюдая с возрастающим интересом. — Грубая земля против утонченного ветра.

И вот Финор сменил тактику. Он перестал просто парировать. Он начал *учить*. Его клинок, быстрый как змеиный язык, начал находить слабые места в обороне Кассиана. Не для поражения, а для *демонстрации*.

Флик! Кончик эльфийского клинка легонько коснулся тыльной стороны вооруженной руки Кассиана, которая была слишком вытянута вперед.

— Оставь руку ближе к корпусу. Иначе – уязвим.

Флик! Легкое касание выше колена ведущей ноги, которая стояла слишком жестко.

— Нога – пружина. Не столб.

Флик! Касание боковой пластины нагрудника, куда не успел развернуться щит Кассиана.

— Видишь периферию. Не только то, что перед носом.

Кассиан пытел, краснел, но в его глазах горел уже не только азарт, но и *осознание*. Он видел свои ошибки, указанные не словами, а холодной сталью. Он пытался подстраиваться, переносить вес, укорачивать амплитуду, следить не только за острием врага, но и за его плечом, бедром, взглядом. Он дрался с отчаянием ученика, внезапно увидевшего бездну своего невежества.

Финал был изящен и неотвратим. Финор сделал обманное движение клинком вверх, заставив Кассиана инстинктивно поднять меч для защиты головы. В тот же миг его нога сделала молниеносный шаг вперед-вбок, корпус развернулся, а опущенный до этого клинок взмыл снизу вверх легким, несильным, но невероятно точным движением. Он не рубил. Он *коснулся*. Плоской стороной клинка – внутренней поверхности запястья Кассиана, где проходили сухожилия.

Онемение. Рефлекторное разжатие пальцев. Тяжелый меч Кассиана с грохотом упал на запыленные камни плаца.

Тишина. Кассиан стоял, тяжело дыша, глядя на свою пустую руку, потом на улыбающегося Финора. На его лице было не унижение, а потрясение. Откровение.

Финор плавно вложил свой клинок в ножны. Звук был мягким, финальным аккордом.

— Неплохо, — сказал он, и в его голосе звучало искреннее одобрение. — У тебя есть огонь. И сила. Но сила без контроля – это хаос. Хаосом легко управлять. — Он подошел, поднял меч Кассиана и протянул ему рукоятью вперед. — Если хочешь научиться контролю... приходи завтра на рассвете. Без этой железной одежды. — Он кивнул на тяжелые доспехи Кассиана. — Учись чувствовать движение телом, а не бронёй.

Кассиан молча взял свой меч. Его пальцы сжали рукоять так, что костяшки побелели. В его глазах горел новый огонь – не слепая страсть, а жажда *понимания*.

— Я приду, — выдохнул он. — Мастер.

Аэрин рассмеялась, подходя к Финору.

— Нашел себе щенка, дорогой? — спросила она, игриво толкнув его плечом. — Береги свои древние кости. Он может их потрепать.

Финор улыбнулся, его золотые глаза блестели.

— Щенки с огнем в глазах и стремлением учиться – лучшее лекарство от скуки тысячелетий, моя звезда. И куда приятнее, чем твои томные смертные поэты.

Кассиан не слышал их. Он смотрел на свой меч, потом на легкий след от прикосновения эльфийской стали на своем запястье. Вечная Тень вокруг него все еще была мрачной и давящей. Но теперь в ней появилась точка света – вызов, возможность, путь к иному мастерству. Путь, который начался с звона стали и урока, преподанного не в застенках, а под открытым, пусть и затянутым тучами, небом.

Часть XII: Шелк, Свет и Тени Танца

Пока Лориан балансировал между меланхолией и настороженностью, а Валтар kloкотал от унижения, в отреставрированном обеденно-бальном зале флигеля разворачивалась иная

игра. **Серафина Д'Арк**, ее аметистовое платье мерцало в свете магических светильников, наблюдала за ауринами с хищным любопытством амбициозной охотницы. Ее цель была не принц сейчас, а что-то более ценное в долгосрочной перспективе – знание, влияние, уникальный опыт, который выделит ее среди других придворных красавиц. Ее взгляд упал на одну из эльфиек, стоявшую чуть в стороне от Аэрин и Финора, наблюдавших за окном мрачный пейзаж.

Келебриан Илмариэль. Она была воплощением сдержанной элегантности ауринов. Высокая, но не статная, как Аэрин, а скорее гибкая, как ивовый прут. Ее волосы – не огонь и не серебро, а глубокий, теплый оттенок каштана, заплетенный в сложную, но воздушную косу, обвитую тончайшими нитями живого плюща с крошечными белыми цветами. Глаза – спокойные, как лесное озеро в сумерках, орехово-зеленые с золотистыми искорками. На ней было платье цвета мха и заката – глубокие зеленые и терракотовые переливы, струящиеся при малейшем движении. Она казалась тихой, но в ее позе чувствовалась скрытая сила, как у корня древнего дерева.

Серафина подошла с сияющей, чуть нарочитой улыбкой, заставляющей сверкать её рыжие локоны.

— Простите, леди... Келебриан, верно? — начала она, делая маленький, изящный реверанс. — Ваше присутствие... оно как поток весеннего воздуха в этих каменных стенах. Меня зовут Серафина Д'Арк. — Она позволила легкому кокетству окрасить голос. — Я просто заворожена вашей культурой. Особенно... танцами. Говорят, на Западе искусство танца достигло небесных высот? Существуют ли... особые танцы у Ауринов? Что-то, что рассказывает историю не словами, а движением? Мне так не хватает здесь красоты и изящества!

Келебриан повернулась к ней. Ее орехово-зеленые глаза мягко скользнули по Серафине, оценивая не только платье и прическу, но и огонь амбиций, горящий в дерзком взгляде. Уголки ее губ чуть приподнялись в едва уловимой усмешке понимания. Она видела игру, но была готова сыграть.

— Танцы, леди Серафина, — ее голос был низким, мелодичным, как журчание ручья под землей, — это дыхание души для нашего народа. Они бывают разными. От эпических саг, исполняемых под сводами древних рощ, до... легких импровизаций, рожденных ритмом сердца. — Она сделала плавный жест рукой, словно очерчивая невидимую дугу в воздухе. — А почему бы не прочувствовать это? Зал пуст, акустика... приемлемая.

Серафина замерла. Она ожидала словесного описания, истории, но не прямого приглашения. Амбиции на миг уступили место искреннему волнению.

— Сейчас? Здесь? — прошептала она.

Келебриан лишь улыбнулась теплее и повернулась к двум другим ауринам, стоявшим неподалеку. Один из них, мужчина с волосами цвета лунного камня, ловил ее взгляд. Она кивнула. Ауриин поднял руки. В его ладонях вспыхнул и сгустился свет, приняв форму изящной серебряной арфы с натянутыми струнами из чистого лунного луча. Вторая, женщина с короткими, темно-русыми волосами, выдохнула в кулак – и между ее пальцами материализовалась флейта, вырезанная, казалось, из застывшего воздуха и перламутра.

Но самое удивительное произошло рядом. **Лиам Фрост**, тихий архивариус, стоявший в тени колонны с папкой бумаг, вдруг встрепенулся. Его бледное лицо оживилось. Он отложил бумаги и подошел к краю зала, к забытому там странному инструменту, похожему на гибрид лютни и виолы с корпусом из темного дерева и струнами из натянутых сухожилий. Он назывался "теневой грифон" и использовался для мрачных баллад. Лиам взял его в руки, прижал к тощей груди, провел смычком. Инструмент издал глубокий, вибрирующий, но чистый звук. Он не ждал нот. Он *слушал* ауринов. Первые же переливы арфы и флейты – сложные, текучие, казалось, не имеющие четкого ритма – были мгновенно подхвачены его смычком. Его водянисто-голубые глаза закрылись, пальцы двигались сами, будто он не играл, а расшифровывал

музыку, уже жившую в воздухе. Он стал не аккомпаниатором, а полноправным участником ансамбля, его низкие, резонирующие ноты создавая волшебный контрапункт эфирным звукам ауринов.

Музыка заполнила зал. Не марш, не застольная песня. Это было что-то живое, дышащее – то замедляющееся до почти медитативного покоя, то ускоряющееся, как бег ручья по камням.

Келебриан шагнула на свободное пространство паркета. Ее движение было не началом танца, а его естественным продолжением, словно она всегда двигалась так. Она протянула руку к Серафине.

— Пойдем? Не бойся слегка оторваться от земли. Притяжение тверди для нас – лишь советчик, а не диктатор.

Серафина, забыв о расчетах, о принце, о своих амбициях на миг, взяла протянутую руку. Ее аметистовое платье вспыхнуло ярче. Келебриан повела ее. Сначала медленно, плавные шаги, скольжение, повороты. Серафина старалась копировать, ее движения были поначалу скованными, земными, но она ловила ритм, смотрела в спокойные глаза эльфийки. Келебриан не учила – она *вела*, ее руки были легкими, но уверенными направляющими, ее тело задавало импульс.

Музыка набирала обороты. Келебриан ввела вращения – быстрые, плавные, заставляющие платье взметнуться вокруг нее водоворотом зелени и терракоты. Серафина, подхваченная волной, закружилась следом, рыжие волосы выбились из прически. Потом прыжки – невысокие, но невесомые, будто Келебриан действительно лишь слегка отталкивалась от пола. Серафина пыталась повторить, смеясь от неожиданной свободы. Они то расходились, двигаясь по сложным траекториям, зеркаля друг друга, то сходились, их руки касались, сплетались, отталкивались, создавая динамичный диалог тел. Серафина забыла о зрителях (а их собралось немало – замороженные помощники Лориана, пара других ауринов, даже угрюмые слуги застыли в дверях). Она была только танец, музыка и этот удивительный проводник в мир грации, Келебриан.

Это был не просто танец. Это было превращение. Земная страсть и амбиции Серафины столкнулись с древней, утонченной магией движения ауринов. Искра от этой встречи зажгла в ней что-то новое – чистую, почти детскую радость от самого акта танца, от владения своим телом в унисон с чем-то большим.

Музыка затихла. Последний вибрирующий звук "теневого грифона" Лиамы растворился в тишине. Серафина остановилась, тяжело дыша, щеки пылали румянцем, глаза сияли восторгом, в котором не было ни капли притворства. Ее платье было слегка помято, рыжие волосы рассыпались по плечам. Она была прекрасна в своей искренности.

— Это... это было невероятно! — выдохнула она, обращаясь к Келебриан. — Какие еще танцы вы знаете? Такие... волшебные?

Келебриан стояла перед ней, лишь слегка запыхавшаяся. Ее орехово-зеленые глаза смотрели на Серафину с теплой, чуть загадочной усмешкой. Она мягко поправила прядь каштановых волос, выбившуюся из косы.

— О, леди Серафина, самые интересные танцы требуют... очень мало места, — ее голос стал тише, интимнее. — Они рождаются из импульса, из дыхания, из тишины между двумя сердцами. Их не исполняют на площадях. Их делятся. В тишине покоев. — Она сделала легкий шаг вперед, сокращая дистанцию. Ее взгляд держал Серафину. — Я могу показать вам... если хотите?

Серафина замерла. Восторг от танца еще пылал в ней, смешиваясь с внезапным приливом любопытства и чего-то... опасного, манящего. "Танцы в покоях". Что это? Искусство? Игра? Нечто большее? Ее амбициозный ум лихорадочно просчитывал возможности, но тело, еще помнящее невесомость движения, уже сделало выбор. Она увидела в глазах Келебриан не похоть, а обещание – обещание нового, глубокого, прекрасного опыта.

— Да, — прошептала Серафина, голос ее слегка дрожал, но не от страха, а от предвкушения. — Пожалуйста.

Келебриан улыбнулась, ласково и чуть снисходительно, как взрослый ребенку, открывшему чудесную тайну. Она легко взяла Серафину за руку – не как партнера по танцу, а как ведущая ведомую. Ее прикосновение было прохладным и уверенным. Без лишних слов, она повела рыжеволосую девушку из зала, в сторону лестницы, ведущей в отведенные ауринам покои. Серафина шла за ней покорно, почти заворуженно, оглянувшись лишь раз на Лиам Фроста, все еще державшего "теневого грифона". Его бледное лицо выражало немое изумление. Музыка стихла, но магия танца, казалось, все еще витала в воздухе, уводя за собой одну из самых ярких звёзд двора Вечной Тени в неизведанные глубины эльфийского искусства. Игра Серафины приняла неожиданный, и возможно, куда более захватывающий оборот.

Часть XIII: Бал Теней и Откровений

Большой Тронный зал Замка Вечной Тени преобразился. Мрак, обычно сгущавшийся под сводами, словно физическая субстанция, был оттеснен. Не светильниками с кровавым или ядовитым пламенем, а **волшебным освещением**, созданным Элмондом. Сам потолок, терявшийся в непроглядной высоте, теперь был скрыт сияющим полотном – имитацией ночного неба, но не мрачного, а ясного и глубокого. Мириады крошечных, холодных звезд мерцали в вышине, а вместо луны висел огромный, мягко светящийся шар, льющий матовый, рассеянный свет, похожий на лунный, но теплее. Он не слепил, а окутывал зал в таинственное, почти священное сияние. Каменные громады стен, облицованные черным мрамором с кровавыми прожилками, теряли свою угрюмость, обретая величественную, древнюю красоту. Даже зловещий трон с шипами и вороном казался теперь артефактом забытой эпохи, а не орудием террора.

Вдоль стен, на некотором отдалении от центра, тянулись **фуршетные столы**. Не роскошь Амаранты, но достойно: серебряные блюда с холодной дичью, фрукты, привезенные издалека (и тщательно проверенные на яды), темные, выдержанные вина в хрустальных графинах, и – уступка ауринам – кристально чистая вода с лепестками редких цветов. Ароматы пищи смешивались с легким, ненавязчивым запахом дорогих благовоний – не тяжелых и удушливых, а свежих, древесных, намекающих на лес.

На **хорах**, в полупрозрачных, мерцающих силуэтах, витал **призрачный оркестр**. Музыканты прошлых эпох – скрипач с перебитой рукой, флейтистка с прозрачной дырой в груди, виолончелист с бледным лицом, хранящим след от петли – играли. Их инструменты, казалось, были сотканы из лунного света и печали. Звук лился неземной, эфирный, идеально точный, наполняя зал сложной, захватывающей дух мелодией. Лиам Фрост, стоявший в тени у основания хор, смотрел на них с благоговейным ужасом и восторгом, его пальцы бессознательно повторяли движения по струнам невидимого "грифона".

Цвет аристократии Вечной Тьмы толпился у стен, напоминая стаю черных воронов на фоне внезапно прояснившегося неба. Мужчины в мрачных бархатных камзолах с высокими воротниками, дамы в черных, темно-бордовых или глубоко-синих платьях, расшитых серебром или жемчугом, но лишенных жизнерадостности. Их лица были масками учтивости, под которой читались страх, любопытство и высокомерие. Они перешептывались, бросали осторожные, оценивающие взгляды на ауринов, чьи светлые, переливающиеся наряды и непринужденная грация казались здесь инопланетными.

И вот он – **Малкор**. Не на троне в броне, а восседающий на нем в **мрачном, но изысканном темно-сером камзоле** из тяжелого шелка. Вышивка – тонкий, почти невидимый узор вороньих перьев – лишь подчеркивала строгость. Шлема не было. Его лицо, впервые открытое для многих, было шоком. Не молодое, не старое. Изрезанное глубокими морщинами власти и невидимой тяжести. Крепкий, квадратный подбородок. Тонкие, жестко сжатые губы. И глаза. Глаза – не горящие демоническим огнем, а **темные, глубокие, как колодцы в без-**

звездную ночь . В них читалась непомерная усталость, железная воля и что-то еще – отчаяние, тщательно спрятанное за вековым опытом владыки. Без шлема он казался ниже, человечнее, но от этого не менее опасным. Просто опасность стала иной – не исполина в латах, а хищного паука в центре паутины.

Музыка сменилась. Первые, торжественные аккорды **полонеза** прозвучали, наполняя зал церемониальным ритмом. Возникла пауза – кто осмелится начать?

Неожиданно поднялся Малкор. Исполинская фигура в темно-сером камзоле двинулась не к кому-нибудь, а прямо к **Мириэль Лотанариэль** . Она сидела рядом с Аэлиндором, похожая на каплю утренней росы на черном граните. Повелитель Вечной Тени остановился перед ней, склонился в коротком, но безупречном по форме поклоне. Его лицо было непроницаемо.

— Леди Мириэль, — его голос, лишенный гулкого эха брони, звучал низко, резко, но без прежней леденящей мощи. — Осмелюсь ли я пригласить вас открыть этот бал? Даже Вечной Тени иногда нужно вспомнить о... изяществе.

Мириэль вспыхнула, как первый луч солнца. Ее синие глаза широко распахнулись от искреннего изумления. Она бросила быстрый взгляд на Аэлиндора – в его зеленых глазах мелькнуло легкое удивление, но и одобрение. Она положила свою крошечную ручку на протянутую ладонь Малкора.

— Его Мрачное Величие оказывает мне неслыханную честь, — прозвучал ее серебристый голосок. — Я с радостью приму ваше приглашение.

Остальные пары начали формироваться:

Аэлиндор Морнэльва и Вивиан Торн: Посол с безупречным достоинством повел миниатюрную Вивиан, чье лицо фарфоровой куклы сияло редкой для нее гордостью. Ее безупречный вкус нашел высшее признание.

Финор Аранион и Моргана Грейс: Золотоглазый воин легко пригласил загадочную Моргану. Их танец обещал быть диалогом силы и скрытых знаний.

Келебриан Илмариэль и Барон Эрхардт (бледный, нервный аристократ): Келебриан с лесной грацией повела барона, который казался готовым упасть в обморок от такой чести.

Аэрин Тиндомиэль и Кассиан Рейвуд: Аэрин с аметистовым огнем в глазах смело пригласила Кассиана. Он был красен как рак, движения скованны, но в его глазах горела решительность – новый вызов, как фехтование.

Лориан фон Моргенштерн и Дама Ильза (жена влиятельного герцога): Лориан, с безупречными манерами, пригласил статную даму. Его движения были изящны, но взгляд скользил мимо, к центру зала.

Серафина Д'Арк и молодой граф Лукас (один из "помощников"): Серафина сияла, но ее сияние было иным – глубоким, спокойным. Ее танец с графом был безупречен, но лишен прежнего кокетства.

Терон Кроу и Дочь Текстильного Барона: Терон вел партнершу с ловкой уверенностью, его глаза искали выгоду даже в танце.

Брендон Вейл и Тихая Кузина Герцога: Брендон нервно поправлял очки, стараясь не наступить даме на ногу, его губы беззвучно шевелились, считая такт.

Остальные аурины и местные аристократы: Пары, объединенные протоколом, двигались с разной степенью грации и напряжения.

Но все взгляды были прикованы к первой паре. Малкор и Мириэль. Он вел ее. И вел... **безупречно**. Его шаги были точными, плавными, мощными, но лишенными привычной грубости. Он не просто знал фигуры полонеза – он *дышал* ими. Его огромная рука легко направляла хрупкую фигурку Мириэль, их движения были синхронны, полны неожиданного достоинства и даже... гармонии. Мириэль парила рядом с ним, ее серебристые волосы мерцали,

лицо сияло детской радостью от танца. Она говорила что-то, смеялся ее колокольчик. Малкор лишь слегка наклонял голову, его каменное лицо смягчалось едва уловимо.

За сценой:

Малкор не умел танцевать. Камзол скрывал не только тело, но и ледяную испарину на его спине. Внутри бушевала ярость и страх провала. Но он был мастером иных пассов. Перед балом, в тайной комнате, он совершил малый, но рискованный ритуал. Он *впустил*. Не могущественного демона разрушения, а **"Искру Танцующего Тени"** – мелкого, тщеславного духа из свиты Повелителя Игр. Демон не давал силы, лишь знание и мышечную память тысячекратного танца. Малкор стал куклой, а демон – кукловодом. Это был тонкий ход: показать ауринам не только мощь, но и культуру, контроль над самыми утонченными аспектами бытия. И, возможно, тонко намекнуть на свою... "гибкость". На то, что он не просто варвар.

Музыка сменилась. Полонез сменил **стремительный, зажигательный краковяк**. Ритм ускорился, потребовав энергии, прыти, огня. Пары бросились в вихрь. Финор и Моргана кружились как вихрь, Аэрин смеялась, пытаясь расшевелить Кассиана, Серафина танцевала с забывчивой страстью, вспоминая уроки Келебриан.

Малкор и Мириэль остались в центре. Он не отступил. Его движения в быстром танце стали еще более поразительными. Нечеловечески плавными, предвосхищающими каждый поворот, каждый жест партнерши. Он вел Мириэль в сложнейших поддержках, поднимал ее легко, как перышко, вращал с невероятной скоростью, но без единой ошибки. Это была не мужская сила, а **безупречная механика**. И в этой безупречности таилось что-то... пугающее.

Именно во время этого второго танца, когда его рука обвила ее талию для очередного стремительного поворота, **Мириэль поняла**. Ее синие глаза, обычно сияющие весельем или любопытством, на миг стали **древними, бездонными, как само море**. Она почувствовала не тепло человеческого тела, а **ледяную пустоту** там, где должна биться жизнь. Увидела не фокус воли, а **отсутствие души** за движущейся оболочкой. Ее взгляд скользнул по его лицу – по темным глазам, где за железной волей пряталась бездна отчаяния, по морщинам, говорящим о непомерной цене. Она почувствовала **демоническую нить**, дергающую за суставы Повелителя Тьмы. И главное – **песочные часы**, невидимые, но ощутимые для ее древнего сознания, отсчитывающие последние песчинки его времени.

"Договор. Демон-хозяин. Отчаяние. И этот бал – последняя ставка в игре, где он уже проиграл".

Мысль пронеслась молнией. Она не дрогнула, не вырвалась. Ее улыбка осталась сиять, как ни в чем не бывало. Она продолжала танцевать, легкая и невесомая. Но в глубине ее синих глаз, обращенных к лицу Малкора, горело теперь не просто веселье, а **глубокое, безжалостное понимание**. Она видела его насквозь. Видела конец. Видела цену, которую он заплатил за эту мимолетную иллюзию величия на балу.

Малкор, ведомый демоном-танцором, не заметил этого прозрения в глазах эльфийки. Он видел лишь восхищение и легкость, которые хотел видеть. Бал только начинался, музыка лилась, пары кружились в сиянии искусственных звезд, но для Мириэль и, возможно, для Аэлиндора, чей мудрый взгляд скользнул по ним, ключевая тайна Вечной Тени была уже раскрыта. Игра вступила в новую, смертельно опасную фазу.

Часть XIV: Тени Торговли, Первый Танец и Мысли о Спасении

Перерыв после первого вихря танцев наполнил Большой Тронный зал низким гулким гулом голосов. Аристократы Вечной Тени, оттесненные от центра к фуршетным столам, кучковались, как черные птицы на льдине. Шепоток был единодушен:

— *Видели? Повелитель... танцевал. И как!*

— *Без шлема... Лицо... Я и не знал, что у него такое... человеческое.*

— *С эльфийкой! И та, кажется, не испугалась. Сияла, как фонарь.*

— *Что это значит? Новая политика? Или... слабость?*

Страх перед Малкором был глубинным, но вид его без брони, танцующим с изяществом, немислимым для его исполинской фигуры, посеял зерна сомнения. Был ли он неуязвимым титаном? Или просто... очень могущественным, но смертным человеком с отчаянными ходами?

Угол Торговли:

У стола с изысканными фруктами и темным вином **Годфри Д'Арк**, отец Серафины, вел беседу с одним из ауринов – тем самым, кто материализовал арфу из света. Ауриин, представившийся как **Каладин Илмарион**, слушал с вежливым, но отстраненным интересом. Годфри был вылитой Серафиной в мужском обличье и возрасте: высокий, статный, с проседью в огненно-рыжих волосах и глазами того же дерзкого каре, но притушенными годами опыта. Его бархатный камзол глубокого сливового цвета говорил о богатстве без крика.

— ...и наш «*Мрак Вечной Бездны*», — Годфри вращал в руке бокал с густым красным вином, но не пил. Его взгляд был острым, оценивающим. — Краситель уникальный. Не просто черный. Он поглощает 99.9% света. Ткань, окрашенная им, кажется дырой в реальности. Никакие западные аналоги, уверен, такого эффекта не дают. — Он сделал паузу, ловя взгляд Каладина. — В обмен... нас интересует ваша «Светопыль Рассветной Зари». Говорят, ткани, обработанные ею, светятся изнутри мягким золотом даже ночью. Представляете контраст? Или гармонию? Для церемониальных облачений... для особых случаев... — Он кивнул в сторону танцующих ауринов.

Каладин слегка наклонил голову. Его лицо, светлое и спокойное, не выражало особых эмоций.

— Светопыль – дар Закатного Берега. Её добыча ограничена, а применение... требует осторожности. Но ваш «Мрак»... интригует. Возможно, мы найдем точки соприкосновения. Обсудим детали позже, мастер Д'Арк?

Годфри ответил изящным поклоном. Его глаза, однако, скользнули через зал, туда, где **Серафина** стояла чуть поодаль от толпы, беседуя с Келебриан. Отец видел перемену. Видел отсутствие привычного кокетливого блеска в глазах, замененного на глубину и странное спокойствие. Видел, как она слушала эльфийку – не как соперницу или ступеньку, а как... учителя. Это его *насторожило*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.